

ПУТАЛО ИСЧЕЗАЕТ В ПОЛНОЧЬ

АЛЕКСАНДРА СИТЕВИЧ

18+

Александра Огневич

Пугало исчезает в полночь

<https://litres.ru/74367567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Салли Хэрроу, поступив в колледж, приехала на лето к бабушке и дедушке, Роберту и Мередит Мейсонам, в Теннесси. Августовский зной, свежий воздух, вкусные пироги и старые друзья - что может быть лучше прежде, чем вступить во взрослую жизнь? Но на ферме стоит среди моря подсолнухов пугало, которое каждую ночь сходит с крестовины. Оно оживает, чтобы собрать свою кровавую жатву. И Салли предстоит узнать, что им движет, прежде, чем оно доберётся до неё.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. В доме в Теннесси	18
Глава вторая. Миллеры	30
Глава третья. Мистер Полночь	42
Глава четвертая. Последняя история бабушки	64
Эм	
Глава пятая. То, что не стоило вспоминать	81
Глава шестая. Постмортем	99
Глава седьмая. На языке цалаги	116
Глава восьмая. То, что случилось в полночь	133
Глава девятая. Всегда читайте написанное мелким шрифтом	150
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Пугало исчезает в полночь

Пролог

Кто-то считал, что Теннесси — такой же штат, как остальные.

Какая же это брехня.

Вам это могли сказать местные — кого ни спроси, все знали, что люди в Теннесси живут недобрые и небезразличные, а это, пожалуй, худшее из возможных сочетаний. Вам могли и приезжие назвать пару фактов о Теннесси, от которых у любого благоразумного человека по спине пробегут мурашки.

Это родина ку-клукс-клана, виски Jack Daniel's и «Кока-Колы», которую впервые разлили по бутылкам в городе Чаттануга. Ещё здесь делали большую ставку на кукурузу.

Теннесси было единственное на планете (*о да*) место, где производят кукурузный виски.

Это в Теннесси в 1968 году убили Мартина Лютера Кинга-младшего, в мотеле «Лоррейн». Это здесь выдумали кантри, блюз и рок-н-ролл. Это здесь в городке Ок-Ридж создали три ядерных бомбы, которые затем сбросили на Хиросиму и Нагасаки. Это здесь в местных лесах водятся олени-альбиносы, которых очень берегут и почитают местные жители.

Двенадцать тысяч лет назад на этих землях жили племена,

зовущие себя «строителями курганов». Они были достаточно цивилизованны, чтобы вести сельское хозяйство и взращивать золотые поля с золотыми плодами, а ещё — торговать со своими менее мирными соседями и, конечно, насыпать церемониальные курганы, те самые, которым были обязаны за свою солидную кличку.

В шестнадцатом веке здесь жило столько людей, сколько нужно было этой земле — не больше и не меньше. И племён сосчитать бы пришлось по пальцам не одной руки, но самые большие были — крики, ючи, чероки, чикасо и чокто.

Они выращивали кукурузу, охотились, поклонялись своим богам, обустранивали свой быт и жили так мирно, как могли, когда после Джорджии, Флориды, Северной Каролины, Алабамы и Миссисипи пришёл испанский конкистадор Эрнандо де Сото.

Кто-то сказал бы, что начало конца наступило тогда, но это было бы неправдой.

Хотя предпосылки были. Болезни, которые из Старого Света перекочевали на кораблях вместе с европейцами в Новый, сделали то, что не могли сделать стрелы и копья — они скосили достаточно индейцев, отправив их отдыхать в могилы.

Потом француз Рене-Робер Кавелье де Ла Саль в своём удивительном высоком парике с белыми буклями исследовал эту местность. Он, конечно, звался исследователем, а не захватчиком, но, не спросив у индейцев разрешения, поста-

вил там, где ныне стоит Мемфис, лагерь, а потом обнёс его частоколом. С широкой руки он назвал это Форт-Прюдомм, и это было первое европейское поселение в Теннесси.

Потом были захватнические войны.

Индейцы попали в эту мясорубку, и кто-то из них был за англичан, а кто-то — за французов. На востоке Теннесси белые отстроили форт Лаудон. Его разрушили чероки и поставили на остовах свою индейскую деревню. Это здесь родился знаменитый вождь Секвойя — ну тот, что был хром, но крайне умён, и кто придумал и распространил среди своего народа алфавит чероки.

Но в тысяча семьсот шестьдесят третьем англичане всё-таки победили, и Теннесси отошёл им. Много чего произошло с того времени.

Теннесси называли и Франклендом, и пытались отделиться, и переживали страшный голод, и воевали в «Войнах чикамога», когда индейцы решили, что с них хватит и белым пора уйти. Земли сначала было достаточно им одним, но теперь переселенцы прибывали как волны, одна за другой, и очень скоро выяснилось, что хозяевам здесь уже не место.

Белые подписывали договоры и нарушали их, расширяясь всё дальше и дальше, на запад, пока не отобрали все плодородные земли и не уничтожили одну деревню за другой.

«Пять цивилизованных племён» огрызались до самого времени, когда их в тысяча восемьсот тридцатом не подвели под «Закон о переселении индейцев».

Огрызаясь, они шли по Тропе слёз через Миссури, Кентукки и Арканзас, устало клоня головы, и покидали родные земли. И тысячи из них не вернулись к своим больше.

Никогда.

Чарльза Мейсона двенадцати лет звали дома Чарли. Баба-француженка говорила Шарль на свой манер, грассируя при этом с таким мягким прононсом, что у мальчишки по спине от отвращения мурашки бежали. Голос и это «Шарль» было что плесневелый мягкий сыр.

В школе друзья говорили ему «Чак», а учителя обращались строго по полному имени, особенно когда он набедокурит — «Чарльз Роберт Мейсон!». Всегда с восклицательным знаком в конце.

Когда мальчишка выбежал семнадцатого июля со двора ранчо, юркнув между широкими занозистыми досками ограждения, вслед из дома было протяжное материнское:

— Чарли-и-и!

Он остановился, обернувшись и посмотрев на крыльцо через плечо. Матушка показалась в дверях и крикнула ещё:

— Поторопитесь к обеду!

Он должен был сбегать за отцом к Миллерам. Дорога шла через поле. Был бы у него велосипед... но велосипед он разбил и пока не починил. Чтоб починить его, нужен был Дэвид, а он воевал на Итальянском фронте против немцев, против осман и австро-венгров. У него на рукаве была наверняка

нашивки в виде звёздно-полосатого флага.

Чарли никто не говорил про Дэвида. Родители читали немного из его писем вслух, но там была какая-то ерунда — как он скучает, то да сё... Нет чтобы сказать, есть у него свой штык-нож? Бросал ли он в окоп к врагам гранату МК-2? А выдали ему винтовку, и если да, то какую — Спрингфилд или Винчестер?!

Каждое письмо кончалось так: «Молитесь за меня, за Штаты, Антанту и нашу победу», а всё самое интересное родители читали про себя, и мама после этого обязательно плакала.

Пока Дэвид был на фронте, отец — он сильно хромал, и его на войну не взяли — кое-как успевал по хозяйству, но не больше. Разбив велосипед на гонках между соседскими мальчишками, Чак был временно безлошадным и пошёл через поле пешком.

Очень скоро их дом, и амбар, и сарай, и коньки крыш, и ограждение, и мамина узкая фигура в чёрной двери — всё скрылось за высоким полем подсолнухов, куда зашёл Чак.

И пропал из виду в волнующемся зелёно-золотом море.

Подсолнухи шли от края до края горизонта, прямо как море, которое Чак видел на библейских гравюрах в церковной воскресной школе — в большом светлом классе на стенах висели такие гравюры, датированные тысяча восьмисотыми годами. Под каждой была бумажная ленточка с именем

художника, чаще — Гюстав Доре.

Чак не торопился. Солнце светило в самом зените. Стоял такой зной, что хлопковая рубашка быстро прилипла к потной спине, а русые кудри взмокли на висках.

Чак хрупал сухой землёй под подошвами башмаков и думал, каким жарким выдалось это лето. Отец часто говорил — «не остави нас, Господи», а мать обмахивалась полотенцем и добавляла, что они соберут очень плохой урожай.

«Плохой урожай» для Чака значило две вещи. Первая — он тоже может голодать, если урожай будет плохим, и что на столе будет меньше всего, чем обычно. Не просто меньше всего *вкусного*, а меньше всего в принципе. В этом была огромная разница.

«Плохой урожай» — плохая выручка. Это сразу сулило новые неприятности. Родители будут чаще ссориться; чем меньше дома денег, тем сильнее отец нахлёстывался, когда ездил в Альтамонт. И пусть там жило всего-ничего человек, ну, может, полтысячи, но всё же бар там был, и виски в нём продавали. После этого папаша возвращался на повозке расстроенным, и Незабудка несла сама домой, вздымая пегие бока и раздувая ноздри. Потом отец с матерью обязательно ссорились. Кажется, каждый раз над головой у Чака от их криков раскалывалось небо, и тогда он убегал в домик работников, сколоченный на самом краю большого двора Мейсонов, чтобы не слышать никогда. Ничего. Подобного.

Он шёл через поле и ненавидел подсолнухи, которым не

повезло уродиться в этом году такими жалкими и слабыми. Он шёл — и чертовски злился на них, потому что был бессилен, как перед ураганом, и не мог сделать ничего, и потому ещё, что эти высокие, в человеческий рост, стебли, неподвижные и безмозглые, могли как-то испортить его жизнь.

В поле было тихо. Только цветки подсолнуха с мясистыми стеблями вздыхали под жарким полуденным солнцем. Кое-где пожелтелая, не повсюду сочная и тёмно-зелёная, она обступила Чака с двух сторон шеренгой. Он поправил на плече платок, в который завязал отцовский обед. Под хитрым узлом мать спрятала тёплую бутылку с молоком, кусок сыра и булку. Ещё одна полагалась самому Чаку, когда он дойдёт до Миллеров.

Интересно, как скоро это будет?

Он мечтал, как наконец доберётся до их двора, забежит туда по дорожной пыли и, устроившись в густой сени старого каштана, развяжет свой узел. Отец вряд ли выйдет, даже если он позовёт его дважды или трижды. Молоко он тоже не станет пить — у Брэда Миллера есть пойло получше. После него от рубашки и с губ отца в последние дни часто несло душным вонючим алкоголем; он пристрастился ходить к Миллерам и проводил там достаточно времени, чтобы мать злилась и нервничала.

Для Чака это означало лишь, что он мог взять молоко себе.

Он брёл, глядя себе под ноги. В высокие заросли цветов,

поворачивавшихся вслед за солнцем тысячью чёрных лиц, было смотреть жутко. Не по себе. Они шептались, как живое многоглазое существо, и нет-нет да колебались где-то в волнующемся зелёно-жёлтом море. Чак предпочитал не смотреть туда, где страшно, и насвистывал себе под нос *Till the Boys Come Home* МакКормака. Джон пел её приятным, хорошо поставленным тенором, переливчатым и звучным, а Чак гнусил по-мальчишески ломающимся кадыкастым скулежом. Зато он соблюдал паузы, потому что громко мычал музыкальные проигрыши вслух, и думал, почему Эбби, его средняя сестра, не выходит уже пятый день из своей комнаты.

Почему так?

Он не знал, с чего это началось. Но помнил тот знойный полдень, такой же, как сейчас, когда она, держа юбки так высоко, что были видны края панталон, добежала до матери и, рыдая, упала в её объятия. С ней была Джемма Миллер, её лучшая подруга, одноклассница. Она крепко обняла Эбби за спину и начала что-то сбивчиво говорить миссис Мейсон. Чак играл во дворе с колесом от старой телеги. Смысл игры был в том, чтобы катать деревянный обод палкой, и тот не упал.

Когда Чак услышал со двора завывания, он подбежал было к сестре и матери, но его очень грубо отослали прочь. Он сказал «не больно-то и хотелось». Это было, в общем-то, чистой правдой.

В тот день Эбби ушла к себе в спальню и больше оттуда не

выходила, кроме одного раза, когда отец запряг Незабудку, посадил в повозку дочь — бледную и в шляпке, туго повязанной лентами под подбородком, и уехал с ней куда-то.

Вернулись они спустя четыре часа. Эбби убежала в свою комнату, отец сперва крепко выпил. Затем Чака отправили во двор, но в открытые кухонные окна он слышал крики. Чак вздохнул тогда. В последнее время родители очень много ссорились.

Тогда он не придавал этому значения, но сейчас подумал — может, ссора была особенной? Не просто из-за пьянки или плохого урожая? Хотя про подсолнухи он как раз хорошенько помнил, ведь отец сказал:

— Хочу повыжечь всё это, чтоб глаза не видели. Повыжечь и уехать отсюда куда-нибудь...

Эти его слова вдруг шепнули прямо в уши, и Чак съёжился и пошёл быстрее, посмотрев по сторонам. Там было только поле, справа и слева. И больше ничего.

Стройные ряды уходили вдаль. Сбоку иногда выступали нахоженные дорожки. Подсолнухи время от времени как живые поскрипывали толстыми листьями и тяжёлыми головами. И Чак вдруг подумал, что, может быть, кто-то ходит, как он, здесь, по полю. В этот самый полуденный час.

Полдень — это полночь наоборот, вспомнил он, как говорили некоторые их красные работники.

Ему стало не по себе.

Но вдали показалась крыша дома и сарая Миллеров, где-

то там, за гребешками подсолнуховых волн. Чак заторопился туда, ускорив шаг и стиснув на плече узел.

В чём дело, он не понимал, ведь он сто и тысячу раз бегал по полю, и прятался на нём с соседскими мальчишками, и набирал семечки, и сидел на земле среди стеблей с хлебом, вымоченным водой и обваленным в сахаре, чавкая от души, как за столом дома не разрешалось.

А тут взял такой озноб, что хотелось обнять себя за плечи — в полуденный-то зной, хотя пятью минутами назад Чак изнывал от жары и жажды.

Сбоку, слева, вдоль дорожки, кто-то мелькнул. Чак прищурился и пошёл быстрее, но взял вправо. Его пробрал холодок. Кто это здесь, бродит среди подсолнухов?

Он обошёл *это* так осторожно, как мыши обходят мышеловку, чуя в ней сыр и понимая, что это ловушка. Присмотрелся получше.

Это было просто пугало. Обычное полевое пугало. Распятое на крепко сколоченном кресте, в широкополой грязной шляпе и таком же свободном, но почти ещё целом тёмно-коричневом плаще, в ворохе каких-то тряпок под ним, в холщовых штанах, оно тяжело свисало, крепко привязанное к крестовине за верёвки. Ветер легонько колыхал щербатые полы его одежды. Лицо, покрытое холщовой тканью, было всё спрятано в тени от шляпы.

Это было совсем новое пугало, хотя выглядело оно уже потрёпанным, грязным и пыльным. В росте длинное и

нескладное, а не пухлое и неуклюжее, как предыдущее, которое Чак делал ещё вместе с Дэвидом, оно ломаной фигурой застыло посреди поля, отбрасывая на землю длинную тень.

Чак остановился и задумчиво почесал вихрастый затылок.

Пугало было жутким не только для ворон, и он сразу, прямо моментально, возненавидел его той горячей мальчишеской нелюбовью, которая либо есть, либо нет — как по щелчку. Склонив на плечо голову, он хорошенько рассмотрел его и бросил:

— Тюфяк гнилой.

За то, что напугался его тени и напугался поля.

Сняв с плеча узел и помахивая им в руке, Чак прошёл мимо, однако остановился, заметив в высоком ряду подсолнухов камушек. Его можно было запустить в пугало, как пульку, и отомстить за то, что напугало и обидело. Повеселев и глянув на безмолвное чудовище ещё раз, Чак бросился к краю поля.

Он присел на корточки и взял камушек. Рядом был ещё один, и он потянулся за ним. Длинная чёрная тень за его спиной качнулась в полном безветрии, словно шевельнулась. Плеснул в воздухе его плащ. Скрипнули верёвки, сдерживавшие руки. И тень снова застыла на кресте.

Чак быстро обернулся. Он что-то услышал в шепчущей тишине.

Плотно сжав губы, он оставил узелок на земле и выпря-

мился, чтобы метнуть камни. Среди других мальчишек он считался метким стрелком. Не было никаких проблем с тем, чтобы выпустить снаряд из рогатки по бегущей кошке или сидящей на ветке птице.

Что там!

Чак однажды пульнул в голубя, и тот, раненый острым камешком в грудь, упал в крови на землю. Тогда Эвери Нокс, сынок священника, плаксиво сказал, что больше не будет дружить с ребятами, потому что голубь — Божья птица. Но мальчишки обступили птицу с сакральным страхом от столкновения со смертью, любопытством, жалостью и — у Чака — гордостью за то, что *убил*, убил сам и всем распорядился. Эвери Нокса никто не слушал. Он наябедничал отцу о проделке Чака, и ему, и всем остальным мальчикам в церковной школе исполосовали линейкой ладони. Но это того стоило.

Это и сейчас стоило того чувства, да. Высунув кончик языка и прищулив правый глаз, Чак взвесил в руке камушек, далеко завёл назад руку и метнул его в тёмный силуэт. От него до пугала было шагов двадцать. Камушек пролетел за пару секунд и щёлкнул по шляпе.

— Прямое попадание! — зычно воскликнул Чак и прыгнул на месте.

Он поискал глазами ещё по земле, нет ли кругом камней. Сосредоточенный на своём деле, он снова не заметил, как криво дёрнулось у пугала плечо.

Когда он отыскал ещё один маленький остренький камень и распрямился, всё было в порядке. Пугало издевательски безмолвно стояло на своём кресте, возвышаясь над полем, как жуткий страж этих земель.

Чак кинул камень снова. В этот раз он попал по палке прямо над шляпой и цыкнул языком. Затем хорошенько прицелился ещё раз.

Стоял жаркий, липкий полдень. В небе было настоящее пекло. Рубашка у Чака вся прикипела к потной спине. В его коротких бриджах уже почти торчали наружу голые грязные коленки. Чак широко улыбался, и улыбка погасла не сразу, даже когда пугало медленно повернуло на него свою холщовую голову с глазницами и ртом, рвано зашитым длинными стежками.

Оно подняло подбородок и взглянуло из-под шляпы на мальчика.

Чак подумал, что плывёт в душной мгле. Так яркий свет померк вокруг него.

А затем откуда-то из-под тряпья пугало издало зловещий стон.

Камень просто так выпал у Чака из руки. Он забыл, что хотел пухнуть его. Он забыл, что Чарльз — самый меткий стрелок среди всех друзей. Он хотел к маме.

Пугало изогнулось на своём кресте. Рванулось вперёд. Не будь оно привязано...

Было страшно даже думать, что тогда. Чак безмолвно по-

пятился. У него дрожали руки и он был бледен.

Он забыл про узел, оставленный в подсолнухах, и когда пугало дёрнулось снова, развернулся и побежал прочь, к крыше дома ов, торчащей за цветами. К отцу, от которого пахло горьким алкоголем. К людям, к каштану, к понятному и привычному, от того, что, кажется, преследовало его в поле, бежало за ним, шуршало стеблями.

Чак ломанулся с дорожки прямо в цветы. Он надрывно сипел от слёз и ужаса, и сердце колотилось так, что, кажется, пульсировало в горле.

Оно живое. Пугало живое!

Оно. Двигалось. На его. Глазах.

Глава первая. В доме в Теннесси

Салли оставила в коридоре на полу свой рюкзак и прошла следом за дедушкой.

— А разуваться вы дома не приучены, юная леди? — уточнил он с усмешкой и сощурился.

Глаза у него были всё ещё яркие, голубые — на сухой загорелой коже, смуглой и исчерченной морщинами, и всё в нём было похоже на землю и небо, на мир вокруг, на весь Теннесси. Дедушка прожил здесь уже семьдесят два года и был всё ещё крепок, как старый грецкий орех, растущий на самом краю его участка, возле золотого моря.

Золотое море — это поле с подсолнухами, простирающееся во все стороны, куда ни брось взгляд.

Салли на его замечание смутилась и быстренько сняла кроссовки. Новые белые «найки», которые она купила прямо перед поездкой, примостила возле рюкзака и прошла в гостиную.

Дом был большим, старым, в два этажа. Массивная деревянная лестница вела наверх; напольные часы, отбивающие время глубоким звоном, были наполированы до блеска. Бабушка часто говорила ещё маленькой Салли, что это старинные часы, доставшиеся от прабабки. Настоящая семейная реликвия. Салли хмыкнула, глядя на них: часы всё ещё были живее всех живых и на старинные мало походили. Мо-

жет, старики купили их где-нибудь на деревенской толкучке и пудрят ей мозги?

С кухни доносились аппетитные запахи. Бабушка наверняка, как и каждый раз к её приезду, варила кукурузные початки и запекала индейку. Вспомнив её знаменитый пирог с почками, Салли с удовольствием потёрла руки и встала в дверях.

— Ба, я приехала!

Бабушка Мередит действительно стояла у духовки, помогая себе полосатой прихваткой, чтобы вытащить противень с индейкой, пышущей душистым жаром.

— Ты уже здесь! — она с растерянной улыбкой посмотрела на внучку и аккуратно поставила горячий противень на полотенце. — Мой руки, переодевайся... Милая, я так тебя рада видеть! Давай сначала ты немного придёшь в себя с дороги, а потом мы поговорим, да? А я пока сделаю пюре...

Вот так всегда, у бабушки с дедушкой каждый год задача — откормить Салли. Она снова хмыкнула — в девятнадцать хмыкать выходит чаще, чем улыбаться. Потом закатила глаза и, покачав головой, вернулась в коридор, чтобы взять свой рюкзак и отнести его в комнату на втором этаже, которую она всегда занимала, когда гостила в этом доме.

Старая лестница скрипела на все лады. Вдоль неё висели семейные портреты и фотографии. Салли знала только некоторых людей на них: до остальных ей не было дела, а бабушка с дедушкой никогда не настаивали с изучением фамильного

древя и прочей ерунды, хотя семья у Мейсонов, по маминой линии, была большая.

Салли толкнула дверь в комнату, и та легко поддавалась. Что-то в коридоре в тот момент скрипнуло у неё за спиной, тогда-то Салли быстро обернулась — но там никого не было.

Она потёрла плечо и нахмурилась.

Это просто старый дом, здесь много чего скрипит и шуршит. Часы тикают внизу, половицы постанывают, даже когда по ним никто не ходит.

Надо почаще повторять себе это .

Салли отвернулась и осмотрела комнату.

За почти два года здесь ничего не изменилось, но было заметно: пыль протёрта, на подоконнике в чистой вазе стоит букет полевых ромашек, а узенькая кровать застелена свежим бельём. Салли задумчиво прошлась вдоль стены, касаясь её кончиками пальцев. Наволочки и пододеяльник сильно пахли отбеливателем. Старомодные детские обои — все стены в плюшевых медвежатах — немного раздражали, но это ничего, по крайней мере, терпимо. Вдохнув, Салли присела на пружинящую кровать. Хотелось бы не так, конечно, конец лета провести.

Она с тоской достала из кармана джинсов смартфон, разблокировала его и взглянула на непрочитанное сообщение.

«Ты уже добралась ? »

От мамы. Поджав губы, Салли быстренько набрала ей успокаивающий ответ и отложила телефон на подушку. Что

сожалеть о потерянном времени, если она уже здесь, а не во Флориде вместе с друзьями, как и хотела?

Родители настояли, что Салли было бы неплохо повидаться со стариками: они, мол, совсем уже плохи. На семейном ужине было решено, что Салли, пока родители заняты перепланировкой дома и ремонтом, отправится к бабушке с дедушкой в Теннесси, потому что в этом сентябре она уедет в колледж в Атланту и долго ещё не сможет навестить их.

И вот она здесь.

Скучаяще, Салли поднялась с кровати, подошла к одному из двух окон во французском переплёте. Ладонями оперлась о подоконник. На нём было немного сырой земли. Интересно, откуда? Может, раньше бабушка выращивала здесь цветы?

Покачиваясь на носочках, Салли смотрела на вид из окна.

Совсем не изменившееся, сколько она себя помнила, скучное поле с подсолнухами. Совсем не изменившийся — разве что покрашенный свежей белой краской — амбар. И старый дедушкин голубой пикап не изменился тоже. Он стоял возле дорожки у дома, блестящий и чистенький, словно только что купленный, хотя ржавчина уже поела крылья и бампер.

Взгляд, скользящий по полю и соседскому дому далеко-далеко вдали, вдруг споткнулся обо что-то тёмное. Салли прищурилась, разглядывая странный силуэт среди цветов. Это человек стоит так неподвижно? Нет... это пугало. По-

ставленное почти посередине поля между их домом и фермой Миллеров пугало.

Салли равнодушно перевела взгляд вбок и вдруг вспомнила, что таким же жарким летом, как это, только два года назад, гуляла по этим полям с соседскими ребятами, братом и сестрой Миллерами, Тимом и Тамарой. Интересно, смогут ли они увидеться в этот раз?

Салли задумалась и отвернулась от окошка, присев на краешек подоконника.

В голове всплыло воспоминание.

Загорелые руки . Каштановые волосы по плечи и задорная улыбка . Яркая , светлая , ласковая . Никто так не улыбался , как Тим .

— Салли! Обед! — Это крикнула бабушка.

Салли встрепенулась и встала с подоконника. Она ехала на автобусе восемь часов, чертовски устала, и съесть могла сейчас что угодно. На ферме, на свежем воздухе, у неё проснулся зверский аппетит.

На новом месте спалось беспокойно, и бабушка Мередит это прекрасно знала.

Она тихонько постучалась в дверь внучкиной спальни, подождала, пока та откроет. Салли смутилась, когда увидела в руках у неё поднос, а на нём — ну это было очень мило — большой стакан молока и кусок пирога.

— Ба... — неловко улыбнулась Салли.

Она уже приняла душ и запахнулась в халатик. Тот был уже взрослым, шёлковым, бежевым, совсем не таким, какие она носила раньше. Бабушка посмотрела на него *очень внимательно*. Она вряд ли привыкла к тому, что внучка уже давно выросла.

— Ну чего ты, не стоило. Проходи!

— Нет-нет, — спохватилась та. — Я ненадолго, милая, просто пожелать спокойной ночи. И вот, приготовила немного молока. Как ты любишь.

Но Салли не любила молоко, только в кофе его добавляла. Обижать бабушку она не хотела. Она взяла из её рук, морщинистых, крючковатых, уже очень немолодых и артритно покрытых коричневыми старческими пятнами, поднос.

— Не стоило, ба. Сейчас, погоди.

Она отвернулась и отнесла поднос на комод.

— Спасибо, но я правда не очень...

Когда она повернулась к двери, коридор был уже пуст. Дверь так и осталась чуть-чуть приоткрытой, и Салли, слегка нахмурившись, сначала открыла её и посмотрела в темноту коридора, совсем пустого.

— Ба? — позвала она, но в дальнем конце коридора мелькнула узкая бабушкина спина, бросившая на стену длинную тень, и Салли поджала губы.

«А как она могла так быстро...» — и она мотнула головой, отогнала эту мысль. Потом закрыла дверь до щелчка и помедлила, встав напротив.

По спине пробежал холодок: вестник первого лёгкого страха, какой она часто испытывала здесь, на ферме, а почему — понять было трудно, как и собрать все противоречивые воспоминания юности в общую копилку.

За дверью что-то скрипнуло. Затем несколько половиц, будто продавленные чьим-то весом, запели на все лады. Салли потёрла щёки и нервно вздохнула. Старая память о ферме была не только приятной, и вот теперь всё нахлынуло на неё, как морская волна.

Помни, что дом старый . Он даёт усадку . Мало ли что . Лучшие об этом не думать . Лучшие об этом не знать .

«Но всё же, как она так быстро испарилась? Она жаловалась на больные ноги весь вечер. И родители так настаивали, чтобы я поехала. Так хотели».

Салли не сдержалась и подошла к двери, снова осторожно отворила её. Вышла в коридор, где не было света — совсем не было. Тогда ей стало пусто, холодно и неудобно. Тогда и почудилось, что в темноте что-то есть.

Всегда и всем кажется именно так, потому что темнота — это неизвестность. Салли пыталась себя убедить: это срабатывают наши инстинкты. Те самые, родом из давнего, уже забытого прошлого, когда человек жил племенем. Когда бояться нужно было не фантомов, не призраков или что-то такое же абстрактное, а хищников, прячущихся в темноте.

Всё объясняется так легко. И бояться совсем нечего.

Но Салли на всякий случай поскорее заперлась и снова

вслушалась в тишину. И когда она отошла к кровати, ей опять показалось, что за дверью кто-то стоит.

Она поставила тарелку с пирогом на одеяло, прислонила к стене пышную перьевую подушку и удобно устроилась на кровати, прикрыв ноги пледом.

Стояла свежая августовская ночь. Здесь был не город, это чувствовалось в воздухе, в небе за окном, но особенно — в звуках. Когда жизнь в доме замирала, а ночные тени пробирались в комнаты и коридоры, кому хочешь становится не по себе. Даже Салли.

Особенно Салли .

Поезжай к старикам, дорогая, говорила мама, задумчиво поблескивая глазами и сидя в любимом кресле, поставленном в тень сбоку от окна. Поезжай, они тебя ждут. Салли любила бабушку Мередит, порой казалось даже, больше родной матери. Родители были с ней спокойны, но неласковы. Она к этому привыкла с детства: такие уж они, отстранённые, но ни в чём не отказавшие дочери. За лаской, за объятиями, за тёплыми сказками Салли ехала на ферму к бабушке. За пирогами, за поцелуями, за солнцем, согревающим до самых костей — к ней.

Она включила на планшете фильм: выбрала из всего, что было в планах посмотреть, «Дети кукурузы». Книгу она читала. Салли ждала, что фильму тоже удастся её напугать. Прошли титры, заиграла вступительная музыка. Задумчиво

забрав тёмно-рыжие прямые волосы в конский хвост, Салли углубилась в просмотр, откусывая пирог по кусочку.

На часах было три минуты первого. Миновала полночь. Салли тихонько кемарила в тёплой кровати. Сначала фильм увлекал, но, когда перевалил за половину, стал затянутым и неинтересным.

Салли очнулась и потёрла глаза кулаками: пора ложиться, вот только она как можно дольше отодвигала необходимость отключиться от сети, отложить фильм с понятными и привычными звуками в сторону и попытаться уснуть в тишине, прерываемой поскрипыванием сверчков за окном да шелестом кукурузных стеблей, которыми поигрывал ночной ветер. На экране Бертон Стентон серьёзно сказал:

— Любая религия без любви и сострадания — это ложь.

Перед сном Салли предстояло сделать ещё кое-что, но она не могла заставить себя. Физически.

Не могла открыть снова дверь и пройти в туалет: в большом доме, ночью, словно маленькая, она побоялась бродить одна, совсем как в детстве, когда сонная бабушка ждала её под дверью ванной комнаты — пока она *ходит по-маленькому*, краснея и смущаясь. Это был такой силы страх, что он подавлял даже стыд.

Салли сейчас была как в свои четыре года, десять лет и четырнадцать лет. Как каждый раз, когда оказывалась здесь, на ферме Мейсонов.

«Мне страшно, папочка. Там, в шкафу, живёт страши-

ла, можно мне поспать с тобой и мамочкой?»

Родители всегда ей отказывали, и она оставалась в комнате одна.

Она приоткрыла окошко, подняв раму вверх, и вылила молоко прямо на землю, очень надеясь, что за ночь оно впитается и улик на месте преступления не будет.

Салли оценивающе посмотрела вниз — пятно на земле не слишком заметное, утром от него и следа не останется.
Наверное.

— Ну, вот, — пробормотала она себе под нос и посмотрела на экран, словно говоря с персонажами «Детей кукурузы». — А я нашла выход. Как вам?

Она положила руки на раму, собираясь захлопнуть её, как вдруг взгляд — на самой периферии — уловил движение в поле. Салли тревожно подняла глаза, вгляделась, замерла.

Странное дело.

Кажется, будто кто-то прокладывает дорожки вдоль поникших стеблей высоких подсолнухов, шевелит их, бережит. А может, это ветер? Или собака? Есть ли у бабушки и дедушки собака? Салли задумалась, попыталась вспомнить. Когда приезжала, не видела... Да и никогда не было.

Вдруг нечто, шевелящее цветы, остановилось. Дорожка, змеящаяся по стеблям, оборвалась.

Оно встало — практически напротив окна .

Салли ощутила на себе чей-то взгляд и обмерла; это было ни с чем не сравнимое чувство, очень знакомое каждому с

самого рождения, как священное знание, как недобрый дар — это понимание, когда кто-то сверлит тебя глазами в упор. Салли поёжилась, но сама оторваться от поля смогла не сразу. Высокие подсолнухи шелестели и вздыхали, но между их крупных голов невозможно было хоть что-то разглядеть.

Посмотрев ещё немного, Салли закрыла окно. Но, едва рама опустилась на подоконник, позади послышался тихий скрип.

Дверь, открывшаяся от невидимого толчка, мягко стукнулась бронзовой ручкой о стену и распахнулась настежь. В комнату, освещённую одним лишь огоньком тусклого ночника, смотрела густая чернота из коридора. Сердце у Салли громко заколотилось. Она, совладав с собой, быстро прошла к двери и как можно тише закрыла её, а после отпрянула назад, словно ожидая, когда та снова издевательски откроется.

И что ты тогда будешь делать ?

Но больше ничего не происходило. Выждав минуту-другую, Салли беспокойно нырнула под одеяло, поджав к животу колени и согревая озябшие ноги.

Сон ещё долго не шёл. Салли смотрела в потолок, перебирая в уме всё случившееся за долгий день и стараясь думать о чём-то простом и понятном, и в какую-то минуту всё же прикрыла глаза на секунду-другую. Комната поплыла перед глазами, как полотно со смазанными красками. Сон сомкнул веки. Салли уже задремала, когда угасающий взгляд уловил лишь на миг высокую длинную тень, брошенную от окна.

Салли была в точке невозврата. Она уснула, сунув руки под подушку и не зная, что перед ней замерло дышащее землём и соломой, холодом и кровью *ничто*.

Глава вторая. Миллеры

На велосипеде она не ездила лет с двенадцати. То есть, получается, семь лет как не крутила педали и не держала равновесия на узеньком сиденье, а теперь пыталась примоститься к здоровенному дедушкиному железному коню, которого тот выкатил из амбара.

— Раз уж ты решила покататься по окрестностям, прокались и к Миллерам, — заявил он за завтраком.

На завтрак у него было яйцо всмятку и каша. У Салли — яичница и бекон.

— Питер мне крепко помог на той неделе, так что я не против, если б ты отвезла им что-нибудь... что даст тебе бабуля.

— Пирог с консервированными персиками, — вынесла та свой вердикт и намазала хрустящий тост тонким слоем масла, а затем положила его перед внучкой. — И бутылку домашнего вина.

— Вполне элегантный способ вернуть должок соседям, — одобрил дед.

Снаряженная в дорогу Салли с трудом держала на велосипеде равновесие и иногда виляла из стороны в сторону. Она катила по неровной пыльной дороге вдоль поля.

Да, велик был ей слишком высок, и на нём ехать так неудобно, но в наушниках играла музыка, завтрак прошёл

отлично, а ещё она, скорее всего, увидит сегодня Тэм и Тима. В этой жизни нужно очень мало вещей, чтобы казалось, что всё потихоньку налаживается, пусть на душе и скребло, что сейчас все её друзья тусуются во Флориде, а она торчит здесь, в Теннесси, среди кур и подсолнухов.

Дерьмо.

Золотые головы с чёрными, налитыми жаром семечками смотрели на солнце. Оно их жгло, а им всё было нипочём. Они жадно ловили каждый луч и множились под ним, под своим необъятным пламенным оком.

Подсолнухи плыли по обе стороны. Дорожка, продолженная через поле, вела по прямому маршруту от одной фермы до другой. Кажется, ничего такого, езжай и езжай себе через поле, подумаешь! — но попробуй, прокатись сам в одиночку мимо моря растений выше человеческого роста.

И тут вспомнилось, как ночью кто-то шевелил стебли, прокладывая дорожку в поле.

«Не думай об этом» .

Салли торопливо закрутила педали. Рыжий хвост хлестнул её между лопаток, она наклонилась ниже к рулю и неловко растопырила локти. Ветер вздохнул в лоб, со всех сторон цветки зашептались. Ехать было всё легче по мере того, как Салли привыкала к механическому кручению педалей. Ей даже нравилось теперь, что велик такой высокий: она лучше видит, как стремительно приближается к ней дом Миллеров.

Через поле, она знала, до них по прямой ехать ближе .

Но забыла , что страшнее .

И вдруг Салли остолбенела. Всё случилось за секунду. Впереди, прямо перед ней, из высоких зарослей выросла чёрная мужская фигура.

— Ай, чёрт!

Салли не удержалась. Она потеряла равновесие. Велосипед завалился набок и рухнул вместе с ней, угодив передним колесом прямо в толстые подсолнуховые стебли. На миг мир кувыркнулся, руку и бок больно обожгло, а потом стало очень, очень тихо.

Салли всё ждала, когда на неё выпрыгнут из поля, но ничего не происходило. Тогда медленно до неё начало доходить.

Что - то не так .

Заднее вздыбленное колесо циклично вращалось, поблёскивая на солнце. Салли неуклюже села на земле и оглядела свои ноги, свои колени — исцарапанные и разбитые.

— Блестяще, — прошептала она и подняла голову.

Ветер трепал там, наверху, рваный бурый плащ распятого на шесте пугала.

Не огородное оно было, а полевое. Высокое, обветшалое, истрёпанное временем и непогодой. Одетое в чёрно-коричневые, выцветшие в ржавые и серые на солнце лохмотья.

Рваный плащ тихо шевелился от ветра. Под ним было туловище: набитая соломой холстина. На голове красовалась широкополая рваная шляпа, истерзанная временем и, оче-

видно, птицами, судя по паре застрывших в ней чёрных перьев. Под шляпой у пугала были глаза — два тусклых креста из ниток, и рот, грубо намеченный теми же нитками. Швы уже разошлись от времени и щербато глядели вверх и вниз, как зубы в челюсти.

Привязанное по рукам и ногам, одетое в рваные штаны, пугало словно выглядывало из-под своей шляпы на Салли. И её передёрнуло, как от вида многоножки или паука. Смесь страха пополам с отвращением.

Она потёрла коленку и подумала. Вот есть же добродушные пугала. Есть и смешные пугала. Даже глупых пугал Салли не раз видела на полях, пока ехала по трассе.

Но *это* пугало ни добрым, ни смешным не назовёшь.

Страшила — вот он кто. Таких всегда показывают в ужахах. Он прямо как из фильмов кинокомпании «Хаммер». Габаритами с целого человека, но на человека похожий, как искажённая копия на оригинал.

Длинный и ломаный. Весь обвисший и мрачный на своём кресте.

Такого не только вороны напугаются. Кошмары будут сниться и детям, и впечатлительным взрослым. Да он и ей самой давным-давно мерещился в страшных снах.

Салли сердито отряхнула свои шорты, оценила ободранные до крови колени и подняла велик. Рама жалобно скрипнула. Со стрёкотом прокрутились колёса. Салли прокатила его мимо пугала и посмотрела наверх. Оно словно ухмыля-

лось Салли в ответ на её гневный взгляд.

— Чёртово чучело, — бросила она себе под нос и медленно пошла вперед, прихрамывая на правую ногу.

Тихий шелест цветков донёсся ей в спину, но Салли было больно и обидно. Она приняла это за ветер и не обернулась, слушая стрёкот велосипедных колёс. Так бывает всякий раз, когда мы расстроены. Все большие ошибки совершаются, потому что мы не обращаем на них внимания.

У Миллеров была большая современная ферма. Дом — совсем не такой старый, как у бабушки и дедушки, напоминал обычные дома где-нибудь на среднем западе. Такие очень любили в пригородах. Если бы не амбар у самого поля и не море двухметровых — а может, и больше — подсолнухов, Салли вообще приняла бы его за обычный дом.

Она подошла к террасным ступенькам и звякнула дребезжащим звоночком велосипеда, привлекая к себе внимание жильцов.

Никто не вышел. Дом казался пустым. Ровно до тех пор, пока из амбара не показалась долговязая мужская фигура.

— Салли?

Это был, вне всяких сомнений, Тим. Парень здорово вытянулся за прошедшие два года. Теперь от отца, высокого и кудрявого мистера Миллера, его и не отличишь! Такого же точно роста, и тоже широкоплечий, с прямым носом, с волнистой чёлкой над глазами, он сейчас был чудо как собой

хорош. Отложив вилы, он торопливо выбежал к Салли и тут же, добежав до неё, подхватил в охапку и закружил, словно не слыша её весёлый протест.

— Да откуда ты... Тамара! — рассмеявшись, Тим позвал сестру. — Тамара, брось ты там всё! Гляди, кто к нам приехал!

— Если это очередная уловка, чтобы я не начала перебирать твой шкаф, заверяю, это не сработает! — послышался за углом большого дома Миллеров голос сестры-двойняшки Тима.

Предвкушая встречу с подружкой, Салли неловко закусила губу, чуть отстранившись от её брата, хотя делать этого отчего-то не хотелось.

— Салли?! — словно не веря своим глазам, выпалила Тамара, осекаясь на полуслове и прекращая бубнёж касаемо уборки в комнате брата. — Городская девчонка, а ты здесь когда и откуда?!

— Со вчерашнего дня! На автобусе приехала. На месяц, — широко улыбнулась Салли и крепко обняла бросившуюся к ней подругу.

Тамара была очень похожей на брата, такая же высокая, крепкая, стройная и темноволосая, как он, выделяющаяся непонятной, мистической красотой. В её объятиях Салли почувствовала себя впервые как дома и отпустила велик, который Тим откатил в сторону.

— Боже, ты чего в таком виде, — вдруг округлила глаза

Тамара. — Ты с велосипеда, что ли, упала?! Ну да, на тебя похоже. Эй, Тимми, принеси нам содовой.

Парень закатил глаза, снял с рук рабочие перчатки и покорно побрёл следом за Тэм и Салли в дом. Он, конечно, был рад, что Салли Хэрроу приехала, но эти уж ему девчонки и их капризы!

Пирог был цел, как ни странно после такого-то падения, да и бутылка, которую бабушка обернула упаковочной бумагой, оставшейся с прошлого Рождества, тоже не пострадала. Оставив подарки на чисто вымытой кухне, Салли с улыбкой спросила:

— А где ваши родители?

— Уехали в город, — закатила глаза Тамара. — На пару дней. Так что нам было поручено присматривать за фермой и заодно — вывести всех муравьёв с кухни. Завели где-то муравейник, сволочи, и теперь мы с Тимом, как идиоты, пытаемся их поймать.

— Ага, найти и уничтожить, — поддакнул тот. — А это что, домашнее вино? Хотите, открою?

— А ничего нам за это не будет? — усомнилась Салли, вскинув бровь.

Тим усмехнулся:

— Ты же его разбила по дороге.

— Ну разве что так!

На вкус оно было похоже скорее уж на эль — лёгкий,

кисловатый, странного земляничного привкуса. Сделав два глотка, Салли отставила бокал в сторону и устроилась удобнее на стуле, слушая друзей. Чего только не случилось у них за этот и прошлый год! Они всё говорили и говорили, стараясь поделиться тем, что Салли упустила, пока её не было в Теннесси. Тамара поступила в колледж на год раньше брата, а вот Тим, как и Салли, закончил школу экстерном — дистанционно, чтобы помогать отцу с фермой. Прошлой осенью мистер Миллер чинил крышу сарая и неудачно упал с неё, повредив спину. Теперь часть забот о ферме автоматически перешла на молодого и сильного двадцатилетнего парня, который, как мог, помогал родителям.

— Но ты же хотел поступать дальше в колледж на ай-ти, — растерянно пробормотала Салли.

Тим пожал плечами, опустил глаза, не желая, чтобы она увидела его досаду.

— Когда отец найдёт себе помощника, тогда и поступлю, — пробормотал он, перебирая в длинных мозолистых пальцах ножку бокала. — А ты как? Куда решила податься?

Они ещё поговорили немного о Коннектикуте, куда Салли поступила учиться на переводчицу с французского языка. Отец планировал послать ее на факультет финансов, но помилуйте, Салли и цифры! Друзья, услышав такое, лишь расхохотались. За болтовней все трое увлеклись и не заметили, что утро плавно перешло в обед.

Салли спохватилась, вскочила со стула:

— Мне пора!.. Ба просила быть к обеду. Хотите со мной?

Но брат и сестра сникли и осеклись, прервав себя буквально на полуслове, хотя до этого трещали как сороки, и улыбки начали стремительно гаснуть на их загорелых, румяных лицах.

— Знаешь, — неловко сказала Тамара. — Мы дома поедим. Давай лучше я дам тебе во что переодеться.

— Тут кругом только вы, вороны и пугало, Тэм, — фыркнула Салли. — Не надо, я до дома и так доеду.

— Тогда я тебя провожу, — спохватился Тим. — И потом, хочешь завтра встретиться? Съездим искупаться на озеро.

— Конечно!

Тим выкатил свой велосипед, ловко на него вскочил. Сестра вышла на порог, чтобы помахать ребятам, и засмеялась, когда её подруга неуклюже запрыгнула на сиденье и заойкала, неловко ударившись ногой о стальную раму.

Две макушки — рыжая и каштановая — покатили вдоль поля. Подсолнухи распустились во всю ширь своих лепестков, с трепетом застыли, поглощая всю силу солнца. Половину пути ребята проехали, болтая о том, о сём. Салли сожалела, что не прихватила сюда несколько новых игр для приставки — могли бы и поиграть. Дорога скользила вдоль цветов, неожиданно лёгкая и кажущаяся ровной рядом с Тимом, но, когда спина пугала выплыла из высоких подсолнухов, Салли вздрогнула.

— Не по себе от нашего Мистера Полночь? — хитро спро-

сил Тим, искоса глянув на Салли и давя улыбку в уголках рта.

Друзья остановились, уперлись кроссовками в пыльную дорогу. Салли с неясной тревогой смотрела на высящееся над ними пугало, расслабленно повисшее на шесте и смотрящее своими пустыми глазницами в никуда. Крепко набитый соломенный торс подхватывал старенький кожаный ремень, привязавший соломенную куклу к шесту.

— Я и не знала, что у пугала есть имя, — задумчиво сказала она.

— Тут километрах в пяти отсюда живет мистер Ли, — небрежно заметил Тим, не отрывая глаз от меняющегося в выражении лица подруги. — Он сам из красных, он чероки. Так вот, старик Ли считает, что наш мистер Полночь по ночам ходит со своего шеста и шастает по полям. Ворошит и перебирает подсолнухи, а то и к нему возле дома заявляется. Правда, мистер Ли что-то такое сделал со своим полем, что Полночь к нему больше не ходит.

Салли расширила глаза, посмотрела на Тима как на сумасшедшего. Он что, за дуру её считает? Но перед глазами ясно всплыла картина. Подсолнуховое поле ночью, погасшие золотые цветки, которые шевелятся так, словно через них кто-то шёл.

Тим усмехнулся и щелкнул Салли по носу:

— Купилась-купилась! Напугалась, городская девчонка? Нет, на самом деле старик Ли такое говорил — это без шу-

ток — но он пьёт, как черт, и неудивительно, что ему всякое мерещится.

Салли закатила глаза, почувствовав облегчение.

— Кто вас знает, деревенщин, — пробормотала она смущённо.

А Тим наклонился и поднял с земли камушек, после чего потихоньку подъехал на велике к чучелу и поравнялся с ним так, что тёмные вихры доставали до веревки, обвязывавшей талию пугала наподобие пояса.

— На!

Размахнувшись, Тим метко метнул камушек, отведя назад руку для броска. Тот был точно из пращи пущен. С коротким перестуком он упал в подсолнухи, но перед тем сбил с мешковины, заменяющей пугалу лицо, старую шляпу, легко спланировавшую на землю.

— Это зачем? — нахмурилась Салли. — Зачем ты это сделал?

— Да просто так, — Тим усмехнулся, пожал плечами. — Держи. Это трофей.

— Трофей? — протянула Салли, брать эту грязную, ветхую шляпу в руки не желая.

Однако Тим подъехал к ней и легко коснулся спины ладонью. Тёплой. Широкой. Удивительно приятной ладонью.

— Формально, это твоя шляпа и твоё пугало, вернее, твоих бабки и деда, — уверенно заявил он и вдруг нацепил шляпу себе на голову. — Ну-ка, глянь, как я тебе?

В тени рваной шляпы его глаза выглядели ореховыми, а локоны были что дубовые почки. Салли не оттолкнула его руку, а лишь легко улыбнулась в ответ:

— Круто выглядишь. Чучело чучелом.

Ребята рассмеялись и покатали дальше, к дому ов, чтобы девушка все же не опоздала к обеду.

Лишенное своей шляпы пугало осталось безмолвно висеть на шесте. Корявые ветки вместо пальцев подрагивали на слабом ветру. Он колебал складки тяжелого плаща и шевелил солому, вылезшую местами из грязной мешковины.

Если долго всматриваться в это неживое лицо, может показаться, что оно словно глядит вдаль, провожая дорогу до фермы вышитыми глазами.

Глава третья. Мистер Полночь

Когда каждый день светит солнце и волосы треплет ласковый тёплый ветерок; когда кругом свежий воздух, а река всего в пяти милях езды на велике и встреча с друзьями манят выбежать поутру, часов в семь, а то и раньше; когда дома ждут сливовые бабушкины пироги и жареная курочка с горошком и пюре вместо покупной крахмальной еды — вот тогда Салли и поняла, что начала вкушать всю прелесть этих мест.

В Теннесси было так тихо и так спокойно. Родители звонили редко, старые друзья не беспокоили. Сначала это тревожило, потом перестало. Кажется, жизнь здесь текла своим чередом, по своим правилам и законам. И Салли расслабилась, потому что никак ни на что не могла повлиять.

Ну и потом, здесь был Тим.

Тим и Тамара стали ей друзьями и компаньонами снова, как несколько лет назад. Тогда они были детьми, и забавы у них были детские. Сейчас они выросли. Делать здесь, в этой глуши, было решительно нечего, кроме как болтать и дурачиться. До ближайшего города на велосипедах добраться было можно, но на путешествие туда-обратно и прогулку стоило заложить целый день. Ребята всё мечтали отпроситься у своих и поехать туда. Может, тогда старший Миллер даст им свою машину.

— Иногда кажется, когда здесь долго живешь, — поделился как-то Тим, — что мира вне Теннесси просто не существует. Всё повторяется из раза в раз. Лето — осень — зима — весна. Мы живём по сезонам, за которые не происходит ничего нового. Единственное, что хоть как-то воодушевляет — когда по маршрутам запускают жёлтые школьные автобусы: здешние водители иногда подбрасывают местных по доброте душевной, куда те захотят. Но за нами эти автобусы больше не приезжают, поэтому есть в этом что-то грустное. А в остальном мы просто убиваем время на своих фермах.

Салли это забавляло. Она слышала много раз, как городские, даже очень молодые, ребята говорили, что им ни на что не хватает времени. А здесь буквально его была прорва! Так много, что его приходилось *убивать*. Тим говорил: если бы время можно было пихать по карманам, у него не нашлось бы в них пустого места. Нет, здесь, в Теннесси, было очень хорошо. Настоящая сказка — днём.

А ночью...

Когда наступала ночь, и на поля набегали чёрные тучи, закрывая звёзды и Луну, Салли казалось, что оживает каждый угол и каждая тень. Бабушка и дедушка запирались в своей спальне до утра. Дом следил за Салли пустыми тёмными окнами, если она была во дворе; глухой зев распахнутого амбара тускло светил одинокой лампочкой — большой и похожий на глубоководную рыбу-удильщика. Он приманивал жертву на огонёк в чернильных сумерках. Вдоль поля ходить

было страшно; оно шевелилось бесконечным морем с колышущимися под дыханием ветра стеблями, обременёнными крупными цветами. Салли порой думала, что кто-то ходит там и шевелит их, пристально наблюдая за ней.

И недобрым был тот взгляд.

Днём Салли искала развлечений, а ночью — успокоения. Солнце стирало любые переживания и мрачные мысли, даже те, что не отступали до утра. Салли держала свет всю ночь, закрываясь в своей комнате, но всякий раз поутру находила прикроватную лампу выключенной.

Было четыре часа, послеобеденное время, и прошло уже восемь дней с того момента, как Салли приехала: достаточно, чтобы она успела заскучать. Время тянулось медленно, как сироп. Снаружи стояла вязкая жара. Салли сидела на вытертом ковре в гостиной у Миллеров и слушала, как цокает маятник их настенных часов с кукушкой. Было так тихо, что казалось, звук этот заполняет собой всю комнату.

Тим сидел напротив, по-турецки сложив ноги и скрестив их в лодыжках. Его колено словно ненароком касалось колена Салли. Он смотрел куда-то поверх её плеча и делал вид, что думает о своём. Но вид у него был такой же неловкий, как у неё. И оба спохватились, когда сверху послышался шум.

— Нашла! — вскричала Тамара и сбежала по лестнице со второго этажа. — Нашла, конечно! А вы сомневались.

— Ничуть, — спокойно ответил Тим. — В тебе попробуй,

усомнись. Ты мертвеца из могилы вытащишь. Просто наде-
ялся, что ты достаточно умная и взрослая, чтобы как следует
плюнуть на эту затею.

— Вот ещё! — возмутилась Тамара, села в круг к друзьям
и положила на ковёр, в самую середину, картонную коробку.

Пыль на крышке лежала таким толстым слоем, что Салли
могла бы легко на ней расписаться.

— Тряпка есть? — спросил Тим.

— Сходи за ней на кухню! Ничего без меня сделать не мо-
жет, — пожаловалась Тэм, когда брат со вздохом поднялся с
пола. — Ты, кстати, как? На вид что-то не очень.

— Плохо сплю, — сказала Салли и не соврала. Спала она
правда неважно. — На новом месте всегда так, наверно.

— Может быть.

Тамара опустила взгляд и посмотрела себе на колени, при-
крытые подолом простенького летнего платья. А Салли про-
должила:

— Меня всё это сводит с ума. Дом скрипит на все лады.
А кругом — тишина, и это чёртово поле... — она покачала
головой. — Как вы здесь не свихнулись.

— Кто сказал, что нет? — улыбнулась Тамара.

Тим принёс тряпку и, морщась, хорошенько протёр ко-
робку от толстых, скатавшихся в плотных червяков клубков
пыли. Дома было тихо и пусто, кроме них троих — нико-
го, но всё должно измениться вот уже завтра, когда вернутся
мистер и миссис Миллер. По такому случаю Салли отпро-

силась у бабушки с дедушкой, и те разрешили ей вернуться после ужина.

— Где ты её нашла? — с отвращением спросил Тим, разглядывая тёмно-коричневого цвета плотный картон, на котором были изображены роза ветров, череп и игральные кости.

— У мамы на шкафу, — сказала Тамара. — И ведь она запихнула её на самый верх!

— Зачем ей вообще нужны гадальные кости?

— Наша мама когда-то тоже была молода и прекрасна, — хмыкнула Тэм. — И наверняка увлекалась такими вещами. Что ты на меня так смотришь? Брось, её молодость была в семидесятых: тогда все это делали! Гадальные кости, карты таро, доски Уиджа...

— У нас на чердаке дома тоже валяется Уиджа, — осторожно сказала Салли. — А что это за кости? Что с ними делать?

— Это что-то вроде настольной игры.

— Типа «Монополии»?

Но Тэм покачала головой и удобнее села на ковре.

— Нет. Типа — вызов духа. Знаешь такое?

Салли фыркнула. Слышала, конечно, от друзей. Особенно когда была помладше. Садись за круглый стол, держишься за руки, при зажжённых свечах задаёшь вопросы призракам. Всё ясно. Тим закатил глаза:

— Если я помру тут с вами со скуки, вызовите мой дух.

— Перестань! — Тэм толкнула его в плечо. — Отнесись к этому как к развлечению.

— Было бы неплохо реально развлечься, — заметил он, — а не сидеть в кружке над дурацкой старой игрой.

— А по-моему, это очень интересно, — вдруг сказала Салли и удивлённо спросила у Тима. — Что ты так смотришь? Я устала гонять по полям; меня укусили мошки!

— Ха-ха! Просто так и скажи, что эта жизнь не по тебе, городская девчонка!

Пока ребята перешучивались, Тэм деловито открыла коробку и отложила крышку в сторону. Внутри лежал стакан, обтянутый кожей, множество пожелтевших от времени кубиков с буквами, две игральные кости, старая бумажка и кусочек мела. Тамара прочистила горло, громко кашлянув, и развернула краткую инструкцию по гаданию на костях, с торжествующей улыбкой оглядев брата и подругу:

— Если вы не против, мы прекратим словесные перепалки и наконец начнём.

— Боже, ты упряма, как овца, — закатил глаза Тим. — Ладно, что там у тебя?

Для начала пришлось скатать ковёр и убрать его в сторону, чтобы начертить мелом на полу большой круг, в котором уместились все трое друзей. На улице было ещё солнечно, пусть небесное светило и заволокло клубами облаков, так что Тэм специально зашторила все окна в гостиной, чтобы

стало немного темнее. Она заставила Тима сходить на кухню и поискать в буфете какие-нибудь свечи: он вернулся с двумя и зажёл в маленьких плошках, поставив в круг. Затем сел между Салли и Тэм и развёл руками:

— Это вся подготовка? Больше не нужно сплясать индейский танец или сыграть на дудочке?

— Я зачитаю правила, — рассеянно ответила Тэм, углубившись в чтение бумажки. — Тут сказано, что можно, а что нельзя делать.

— Ну-ну.

— Итак... — и кашлянув в кулак, она зачитала:

Приветствуем вас , юные провидцы , желающие раскинуть судьбу на волшебных костях!

Если вы приобрели эту игру , это значит , что вы хотите приоткрыть завесу тайны будущего и узнать ответы на все волнующие вас вопросы . Прежде , чем приступить к таинству гадания и его расшифровке , рекомендуем вам во избежание ошибок и несчастных случаев прочитать правила и тщательно придерживаться их .

1. Совершайте бросок в полной тишине, поместив кубики в любой непрозрачный сосуд .

2. Гадайте на костях своим друзьям и близким , но не самому себе .

3. Не гадайте в одиночестве.

4. Лучше всего на костях гадается в холодную , без-

ветренную погоду.

5. Задавайте один и тот же вопрос не чаще раза в течение лунного месяца.

6. Не гадайте по пятницам и воскресеньям : в эти дни кости склонны лгать . Также не гадайте во время церковных праздников .

7. Неопытным игрокам не стоит задавать более трёх вопросов .

8. Перед гаданием начертите мелом круг, равный количеству игроков . Сядьте в круг полностью , не пересекайте его и не прерывайте : это чревато неприятностями с духами .

Тамара закончила и подняла на ребят сияющий взгляд:

— Ну что, приступим?

— Сегодня не пятница и не воскресенье, и снаружи безветренно, но жарко, — с издевательской задумчивостью сказал Тим. — Значит ли это, что гадать запрещается?

— А если во время броска я чихну? — ухмыльнулась Салли. — Надо ли тогда перебрасывать кости?

— Прекратите этот фарс, — закатила глаза Тэм. — Это просто дурацкие правила на куске бумаги. Меня больше интересует толкование.

Она перевернула бумажку и углубилась в чтение. Тим же взял в кулак две игральные кости и потряс им.

— Подожди, — остановила его Салли. — Там сказано было про сосуд. Может, возьмёшь стакан?

— На кой чёрт мне их стакан, — отмахнулся Тим и бросил кости на картонную крышку. — Хочу знать, расстанется ли Хью Эйвори с нашей Тэм.

— Тут говорится, что... — тем временем увлечённо начал было Тамара, но, услышав стук кубиков, нахмурилась. — Тим!

— Что? — он пожал плечами. — Ты хочешь гадать или читать бесконечные скучные инструкции? Вроде мы собрались повеселиться. Итак. Я задал вопрос. Выпала единица и тройка.

Стараясь не улыбаться, Салли крутила рыжую прядь на указательный палец, пока Тамара, ругаясь, сверялась с выцветшей табличкой.

— Один и три, то есть, четвёрка... — она рассеянно коснулась губ. — Неудачи в делах.

— Ха! Что я тебе говорил про этого щегла! — заулыбался Тим. — У вас ничего не срастётся.

— Шёл бы ты, братец! Тут есть еще другая табличка. Ну-ка.

Тамара гневно зашуршала страничками брошюры, но лицо её тут же вытянулось:

— Комбинация один плюс три означает — «велика вероятность, что желание не исполнится»...

— Ха-ха-ха!

— Перестань! — разозлилась она. — Я тебя поколочу!

— Так, стойте, — вмешалась Салли и взяла кости, а затем

и стакан. — Теперь моя очередь.

— Спроси про Хью Эйвори, — попросила Тэм.

— Вот ещё. Спроси, поступлю ли я в колледж в следующем году, — сказал Тим, и его загорелые щёки стали совсем багровыми.

Салли потрясла кости и бросила их. Выпало восемь: пять и три.

— Вопрос про Тима и колледж. Итак... «ситуация спорная и может измениться, но вероятность согласия или успеха невысокая». Вот же чёрт!

Теперь зловеще рассмеялась Тамара.

— Какое-то дебильное гадание, — разочарованно сказал Тим. — Это всё бред собачий.

— Не то слово, — сказала Тэм. — Или мы что-то делаем неправильно.

— А что вот это за кости? — вдруг спросила Салли и указала на восемнадцать кубиков с буквами, вырезанными на гранях. — Как гадать на них?

— Не знаю, хотя... Погоди, тут про это тоже есть.

Тамара пролистала несколько страничек и почти в конце нашла раздел, посвящённый гаданию на словах:

— Костословие, или говорящие кости. Само гадание было очень популярным в девятнадцатом веке, но оно восходит корнями к древним вавилонским, римским и даже ветхозаветным традициям. Оно проистекает из ворожбы путем бросания жребия. Старинные кости прежде изготавливались

из лодыжек или позвонков овцы и назывались астрагалами. Костословие, как метод, предполагает, что вы поместите кости в непрозрачный сосуд и зададите вопрос духам. Брошенные кости сложатся в слова: это и есть ответ на ваш вопрос. Не задавайте один и тот же вопрос больше двух раз. Не покидайте самовольно круг до прощания с духами. Перед тем, как закончить гадание, спросите у духов, можно ли сделать это, и бросьте игральные кости. Чётное число — ответ «да» и согласие. Нечётное — ответ «нет» и отказ.

— Это мне нравится больше, — оживился Тим. — Звучит интереснее. И страшнее.

Салли беспокойно посмотрела в окно. Небо заволокли тяжёлые низкие облака, какие бывают только в этом штате и в это время года — похожие на громадные паруса, влекомые быстрым, сильным ветром. Они то заслоняли солнце, то открывали его, и всё же стало как-то пасмурно и неуютно. Салли даже подумала: может, вечером пойдёт дождь? Небо там, на западе, где остался Нашвилл, здорово посерело.

— Нравится играть в шарады? Ладно, — Тэм собрала все кости в стакан и старательно потрясла их. — Вот мой вопрос. Безотносительно к кому-либо из нас. Есть ли здесь, с нами, духи?

И она бросила кости.

Множество жёлтых кубиков с приятным стуком грани о грань разлетелись в стороны по картонной крышке, которая была для них словно ограничитель. Ребята склонили головы

— две каштановых и одну рыжую — над буквами, разглядывая их так и этак.

— По-моему, это какая-то ерунда, — наконец, признал Тим.

— Мне кажется, если перевернуть вон ту букву, я вижу слово «сыр», — с сомнением сказала Салли.

Тэм со вздохом собрала кости обратно в кружку и встрясла их как следует, свирепо глядя на друзей, словно говорила им — «ни звука больше!». Салли вспомнила, что гадать нужно в полной тишине.

— Мы хотим знать, есть ли в этой комнате духи, — и она бросила кости. — Здесь, среди нас.

Салли и Тим скептически переглянулись, но промолчали. Согнувшись над буквами, они тщательно рассматривали их, пока случайно не стукнулись лбами — и Салли покраснела, бросившись извиняться.

— Ты не специально, — пробормотал Тим.

— Всё равно извини. Не больно хотя бы?

— Совсем нет...

И вдруг Тамара дёрнула брата за край футболки, с нетерпением вскрикнув:

— Эй, эй! Смотрите! Вон там, Салли, у твоей коленки!

Салли рассеянно посмотрела вниз и вздрогнула, потому что в глаза ей сразу бросилось слово. Слово, сложенное из букв, вырезанных на гранях старых кубиков. Она с удивлением повернула голову вбок, чтобы прочитать его целиком,

потому что поверить в это было трудно.

Это всё равно что увидеть лицо Мадонны на корочке сырного пирога или летающую тарелку над закусочной «Бобби».

Но, тем не менее, оно *было*, такое же ясное и чёткое — и реальное, как рука Тима справа или волосы Тэм, заплетённые в косичку, слева. Честно сказать, легче от этого не становилось. Салли очень тихо прочла вслух, несмело коснувшись букв пальцами и разворачивая одну из костяшек, лёгших неровно, так, чтобы слово было видно ещё лучше:

— Да.

Тим облизнул враз пересохшие губы и подвинулся ближе к Салли. На лице Тамары появилась улыбка.

— Вот это уже вау, — сказала она и выдохнула. — Прикольно, правда?

— Как это так? — недоумевал Тим, почесав в затылке. — Может, тут есть какой-то трюк?

— Фокус с магнитами? — предположила Салли и посмотрела на погоду.

— Так кости легли, — высокомерным тоном заметила Тэм и хмыкнула. — А вы всё ещё в это не верите, чудаки?

— Я верю в физику и осязаемое, — парировал Тим. — А не в мистику и всякую дребедень.

— Да кто бы говорил, — возмутилась Салли, вспомнив, сколькими страшилками он её уже напугал. — Чёрная рука из заброшенного колодца. Вендиг в поле, у-у-у!

— Мистические истории не в счёт, они занимательные, но

никто же не думает, что они правдивы!

Тэм сгребла кости в стакан, зажала его ладонью и как следует перемешала всё внутри прежде, чем кинуть снова, сопроводив фразой:

— Если среди нас правда есть дух, подай нам знак.

Кости разлетелись, ребята дружно склонились над ними, но, сколько ни вглядывались, больше не видели ничего, кроме какой-то бессвязной абракадабры. Тамара заметно расстроилась:

— Вот же чёрт. Что, в предыдущий раз это было просто совпадением?

Тим хмыкнул:

— Ты, конечно, гениальна, Тэмми. В правилах же сказано, что гадание на костях — это умение задавать вопросы. Какой вопрос ты задала в этот раз? То-то же. *Подай нам знак*. Ну ты даёшь.

— Нет! — заупрямилась Тэм, шустро собирая кости. — Я ещё не закончила. Нужен вопрос? Ладно. Есть ли у тебя имя, и если да, какое?

Салли поёжилась и потёрла плечо, словно ненароком взглянув через него назад, в тёмный коридор, на двойные приотворённые двери с зернистым стеклом. Там, в доме Миллеров, тоже поскрипывали половицы — обычное дело, но Салли было не по себе. На какой-то миг она хотела взять Тэм за руку и попросить её прекратить всё это, но она вспомнила, что закончить просто так и выйти из круга тем более

они не могут, пока не попрощаются с призраком.

Сидеть здесь, в центре комнаты, в нарисованном мелом круге, Салли резко расхотелось. И это чувство усилилось, когда кости, перестукиваясь, отскочили в стороны, и меньше чем через двадцать секунд Тим увидел что-то:

— Вот я думаю, знаешь... — он нахмурился. — Эм-эр. Эм-эр... они лежат рядом так, что похоже на м-р...

— Мр?

Тим задумался.

— Знаешь, это вполне может значить «мистер».

— Мистер? Какой мистер?

— Не знаю, какой. Ищи дальше что-то, похожее на фамилию.

— Вот тут есть что-то на С. Сельм... Сельм... хм, нет, не понимаю, что это значит.

Но у Салли похолодели руки, когда она увидела первую часть слова буквально в ладони от себя. Оставалось перевернуть буквы рядом с ними так, чтобы можно было прочесть, не вывихнув при этом шею. Она аккуратно поправила кубик за кубиком и едва слышно прочла вслух:

— Полночь.

Ребята замолчали. Тим поглядел на Салли так, будто это она, как Дэвид Копперфильд, сама всё подстроила и собрала нужное ей слово у них под носом.

— Да вы чего, — усмехнулась Тамара и вытянула шею, чтобы посмотреть на кубики. — Салли, не прикалывайся.

— Думаешь, это я сделала? — возмутилась она и указала на кости. — Я просто аккуратно перевернула их, вот и всё. Они сами сложились так. *Полночь*. Вот. Смотрите!

— Но это же бред, — рассмеялся Тим, однако вышло нервно. — Ты что, предлагаешь мне поверить, что с нами через гадание на костях говорит Мистер Полночь?

— Мистер Полночь? Тот, что пугало?

Свет в коридоре, за спиной у Салли, дважды моргнул и погас, и Тамара, увидевшая это, обмерла от короткого испуга. Она выпрямилась, не веря своим глазам — а ещё точнее, не веря тому, как поняла произошедшее. Перебои с напряжением и электричеством расценить как присутствие потустороннего духа с подсолнухового поля? Да бред.

— Я... — Салли съёжилась. — Знаете, бред это или нет, но я предлагаю закончить с гаданием. Здесь и сейчас.

— Подожди, теперь мне тоже интересно! — заявил парень, сев поудобнее.

— Тим! — жалобно позвала Салли, но он уже не слушал.

Он уронил кости обратно в стакан, растряс его со всей скрупулёзностью, с какой кости не трясут даже крупье в казино Лас-Вегаса, и торжественно спросил:

— Мы говорим с мистером Полночью?

Кости рассыпались в стороны, но Тэм почти сразу прочла то, что выпало почти напротив неё:

— Да.

— Где? — оживился Тим. — Где это?

— Вот, у моей ноги, видишь? Только одна буква перевернута...

— О'кей.

Салли обняла себя за талию, согнувшись. Она беспокойно посмотрела вправо и влево, обернувшись, но позади ничего не было. А Тим с энтузиазмом сложил кости в стакан.

— Ты... пугало на поле ов? — спросил он и улыбнулся, поглядев на сестру.

— Как-то странно это, — пробормотала она. — Может, это всё взаправду какая-то шутка?

— Если и шутка, то мне действительно весело. — И Тим бросил кости.

Долго ребята не могли найти ответа, прежде, чем Салли не коснулась плеча Тима, найдя нужные слова и отодвинув в сторону лишние кости так, чтобы прочесть:

— *Привет, друзья.*

Она посмотрела на него. Во рту пересохло, а кончики пальцев онемели, но Салли всё равно нашла силы выдавить:

— Кажется, пора заканчивать это гадание.

С громким стуком оконные створы распахнулись и хлопнули о стены. На всю комнату зазвенели стёкла. Снаружи внезапно поднялся сильный ветер: он и выбил щеколду.

— Ах ты, чёрт! — ругнулся Тим и вскочил, метнувшись к окну, чтобы закрыть его.

Там, на краю участка Миллеров, под потемневшими турами и свинцовым небом ветер низко клонил к земле кроны

деревьев — так, что ребята слышали, как трещат ветки.

— Круг! — спохватилась Салли и встала на коленях. — Тимми, нельзя выходить из круга, пока не попрощаешься с духами!

— Боже, что за ерунда, — бросил он, с трудом борясь с ветром, и наконец закрыл окно на запор. — Я не хочу, чтобы нам стёкла повы...

В этот миг во всём доме погас свет. Тэм и Салли замерли, испуганно озираясь, а Тим, вздохнув, потёр затылок и сказал:

— Каждый раз такая ерунда, когда начинается непогода. Выбило пробки, только и всего.

— Вернись в круг, Тим, — нервно сказала Салли.

— Да ты серьезно, что ли? — он усмехнулся, но по взгляду и беспокойному выражению лица Салли хорошо видела: Тим понимал, здесь что-то не так, он просто виду не хотел показывать. — Надо поглядеть, что там с предохранителем...

— Сначала закончим гадание, Тим, — настаивала Салли.

— Бога ради!

— Тимми! — грозно нахмурилась сестра. — Живо!

— Вот чёрт.

Зачесав за уши волосы, он лениво вошёл в круг, сел между Тэм и Салли и развёл руками:

— Теперь вы довольны? Две истерички.

— Я хочу закончить это, — нервно сказала Салли. — Давайте попрощаемся! Сейчас же!

— Городская девчонка, ты чего? — Тим вздохнул. — Правда испугалась?

— Чёрт, да! Мне не по себе! — она поёжилась. — Я не хочу связываться со всем этим, даже если это только шутка.

— Здесь наверняка должно быть объяснение, — мягко сказала Тэм, заметив, что Салли действительно испугана. — Может, Тимми прав, и они просто запихнули в эти кости магниты. Вот они и складываются в слова.

— Магниты складываются в имя вашего дурацкого пугала?

— Это *твой* дурацкий пугало, — пошутил Тим, и тут же был награжден сердитыми взглядами. — Ну, что? Это же реально чучело Мейсонов. Что ты так к нему прицепилась, Салли?

— Ничего! — но она заметно разозлилась. — Давайте прощаться!

— Хорошо-хорошо, — Тэм суетливо собрала кубики. — Сейчас. Ах, чёрт!

Они неловко выпали из её руки, разлетевшись по картонке, и ребята вдруг увидели плотно сложенное в ряд слово, так сильно выделяющееся среди хаоса букв.

Слово, значения которому они не знали.

Цали.

— Что это? — Салли беспокойно посмотрела на друзей. — Что это значит?

— Не знаю. Ладно. Погодите-ка.

Ветер снаружи бушевал; в доме было тепло и тихо, но даже здесь, через толстые стены, ребята слышали, как стонут деревья, которые упрямо сгибали, выламывая старые ветви.

Тим собрал кости горстью в ладонь и снова бросил. Салли вскочила на ноги:

— Что ты делаешь?!

— Я хочу кое-что проверить, — настаивал Тим.

— Тимми, она просила тебя закончить!

Но он их не слушал, удивлённо глядя на кубики, плотно сомкнутые друг с другом. Остальные лежали хаотично разбросанными вокруг. Остальные — да, но не эти.

Цали.

— Я больше не хочу играть! — яростно сказала Салли.

— Тим!

— Ну не может же это быть совпадением дважды, — он словно не слышал её и перебросил кости.

Цали.

— Тим, хватит!

Он дёрнул рукой, снова рассыпал кубики и взъерошил волосы:

— Ну, дела...

Кости разлетелись, но теперь два слова было прямо напротив Салли, и по спине у неё пробежал холодок:

Цали Онакона.

Крэк!

Снаружи оглушительно громко затрещало могучее старое

дерево, ломаясь в щепы, и ветер, выворотивший крону, погнал её по полю кувырком. Тэм, Тимми и Салли, оцепенев, смотрели, как вихрь яростно мочалит бедные ветви и листву, оставив после себя изуродованное дерево.

— Вот это ничего себе, — сказала Тэм.

Салли решительно наклонилась к костям, собирая их в стакан. Тим спохватился, взял её за запястье:

— Подожди.

— Нечего тут ждать! — огрызнулась она. — Тэм, заканчивай с этим!

— Сейчас.

Тамара спохватилась и взяла игральную пару, выбросив девятку. Она подняла взгляд на Салли, притом побледнев.

— Отказ.

— Ещё раз!

— Да что вы психуете, в самом деле? — раздражённо спросил Тим.

Его сестра перебросила, выпала тройка. Снова отказ. Ветер снаружи усиливался, шевелил траву и подсолнухи, подступавшие к участку Миллеров. Небо ворочало тяжёлые, громоздкие тучи, которые совсем заволокли солнце — так, что в доме стало заметно темнее, особенно без электричества.

Салли выхватила у Тамары кубики и бросила их сама.

Пятерка. Семерка. Снова девятка.

— Какого дьявола?!

Она посмотрела в окно, и по плечам побежали мурашки. Там, в поле, что-то стремительно рассекало высокие подсолнухи, рисуя по ним дорожку, похожую на нить. И дорожка та тянулась к дому Миллеров.

— Дай-ка мне! — нахмурился Тим.

Салли смотрела туда, за окно, и сердце её колотилось, как бешеное. Ладони вспотели. Она ждала, когда из поля что-то появится, совсем как несколько лет назад...

В последний раз, когда она здесь была. И она заметила, что Тэм тоже это видит, неотрывно глядя в окно.

— Четыре, — вдруг сказал Тим. — Четвёрка. Ясно вам? Я пойду, налажу свет.

Он быстро стёр ладонью мел возле себя, разорвав круг, и поднялся. Салли задумчиво поглядела ему вслед, потом — на кубики: на половине лежали две двойки.

И в поле, волнующемся под стихающим ветром, потерялись чьи-то странные следы.

Глава четвертая. Последняя история бабушки Эм

Тот ветер был первым предзнаменованием беспокойных штормов, накрывших весь запад Теннесси; первой ласточкой долгой бури, остановившей жизнь на фермах по всей округе почти на двое суток.

Вечером Салли приехала домой на велосипеде, едва не застряв в размокшей и липкой почве. Салли очень торопилась до того, как разыграется настоящий ураган. Хотя сперва она успокоилась, когда стих ветер, но Тим выглядел взволнованным и сказал ей, что расслабляться не стоит. Он быстро набросил джинсовую куртку и продолжил так уверенно, словно в его лице вещал целый штат метеорологов: «Она вернётся, и очень скоро». Так что он буквально настоял на том, чтобы проводить Салли, хотя она всё ещё сердилась на него из-за костослова.

Сам Тим сделал вид, что ничего-то он не натворил, и что с ними ничего особенного не произошло. «Мало ли, что им померещилось!» — твердил он про себя, пытаясь прогнать нехорошее такое, щекочущее чувство опасности в мозжечке, копошащееся, как крыса в застенке. Это чувство он хорошо знал, потому что с ним ложился и вставал вот уже девятнадцатый год, и оно буквально вросло в его плоть и кровь, как

вены и жилы, и было ему знакомо лучше, чем многие другие.

Это был страх такой сильный, что Тим всё пробовал его забыть, но не мог, и тогда пытался ему противостоять своеобразными упрямыми методами.

Они с Салли оседлали велосипеды и покатали к ферме Мейсонов. Их путь лежал мимо пугала, само собой, и Тим заметил, что Салли внимательно смотрела на него, медленно поскрипывая старой рамой, которую уже тронула ржавчина. Тим быстро взглянул на пугало. Вид у Мистера Полночи был неважным, особенно после дождя и урагана. Его рваный плащ промок, а холстина покрылась бурыми пятнами, словно ему кто-то надавал синяков и пощёчин. Солома совсем расползлась из каждой разошедшейся нитки, и торчала, словно частокол, из каждого старого шва. Без шляпы Мистер Полночь казался совсем жалким и измочаленным, и сейчас, как никогда, был похож на простое полевое чучело, и больше ни на что.

Тим сглотнул, судорожно дёрнул кадыком. Он знал, что Мистер Полночь имел странное свойство быть не тем, кем казался, и долго на нем взглядом не задерживался.

— Ты так и не вернул ему шляпу? — с укором спросила Салли, когда они отъехали от пугала футов на тридцать или вроде того.

Тим внезапно разозлился. Ему очень хотелось шикнуть на неё — говори потише! — но он был уже взрослым и разумным. Он уже вырос. Он больше не боялся такой ерунды,

как Бугимен под кроватью; он не верил в Санту-Клауса; он не дрожал из-за страшилок у костра. Тим был деревенским парнем, а деревенские всегда взрослеют быстрее, потому что берут на себя много обязательств и ответственности. И он много работал здесь, на ферме, так что ему было не до каких-то там пугал.

Вот ещё.

Он изучал физику, химию и биологию в свободное время, сидя на стогах сена в амбаре, когда не нужно было ворошить их вилами, и с удовольствием узнавал, что мир, прежде полный тайн и мистических загадок, на самом деле прост и понятен, как башмак, если овладеть вот таким и вот таким знаниями. Это очень нравилось Тиму, потому что могло развеять его кошмары. Днём, в любой светлый час, кроме почему-то полудня, на ферме он чувствовал себя прекрасно. Но с наступлением ночи Тим забывал про книжки, науки, физические явления и биологические труды. Он чувствовал, что в цифрах, таблицах и формулах есть какая-то неучтенная переменная, которую учёные мужи либо скрывали, либо не знали ответов. Это незнание крылось в тених, бросаеых скатом крыши старого дома Миллеров. Оно пряталось в высоком разнотравье, которым поросло поле с края. Оно зло-веще таилось в полуденном стылом солнце.

Была некая *area de ignotis*, область непознанного, слепое пятно, которое порождает больше вопросов, чем ответов. И пытаясь ответить на них логически, рационально, Тим запу-

тывался всё сильнее.

В любом другом месте Мистер Полночь, бродящий по ночам вдоль поля Миллеров сквозь поле Мейсонов, был бы чем-то сродни хэллоуинского привидения или местной страшилки, которой мамы и папы пугают детишек на ночь. Но здесь, в Теннесси, близ Лебанона, родители предпочитали не рассказывать о нём больше, чем положено, чтобы дети избегали даже случайных встреч с местным пугалом. Взрослые эти, очевидно, знали какой-то секрет, которым сам Тим не владел. Он помнил только, как о Мистере Полночи им с Тамарой дважды вскользь упоминала мама, и эта история ни в первый, ни во второй разы не была похожа на сказку. Главным образом потому, что она заканчивалась сводом простых правил, которые маленькие Тим и Тэм знали наизусть, как Отче наш, иначе их не выпустили бы гулять от дома дальше, чем на сто футов.

Не подходить близко к пугалу .

Не убегать в поля Мейсонов .

Не трогать их подсолнухи .

Не раздвигать шторы с окон , закрытых на ночь .

И никогда , никогда , никогда не уходить далеко от дома в полдень .

Но годы шли. Хэмлоу и Кэссиди Миллеры старели, в то время как их дети — выросли. Одно поколение неизменно сменяло другое, и Тим вспомнил, как умерла старуха Эммелина Миллер, мать Хэмлоу — все дома звали её бабушка Эм

— когда ей было девяносто четыре.

Она никогда не рассказывала внукам историю о Мистере Полночи, никогда не касалась этой темы, но вечером перед тем, как уйти навсегда, подозвала к себе Тима, чтобы он помог ей встать с постели и выйти на террасу.

И Тим, попрощавшись с Салли и начав крутить педали, чтобы быстрее вернуться к себе домой, сам того не желая, освежил в памяти то, что с ним случилось.

И то, с чего всё для него только началось.

Это было в этом году, и до того старуха Эммелина Миллер слегла с переломом шейки бедра: упала с крыльца ещё зимой и пролежала февраль, март и апрель, дождавшись мая, чтобы умереть. Она была властной и строгой женщиной, которая вырастила троих сыновей одна, без мужа, а потом потеряла двух самых младших из-за несчастного случая во время грозы. Дороже этого дома и своей семьи у неё не было ничего, кроме, пожалуй, самоуважения — а самоуважение быстро теряется, когда ты становишься лежачим больным, зависимым от прихотей и возможностей других людей.

К тому же, старость брала своё. На плечи Кэссиди, матери семейства, тогда легли заботы об уходе за Эммелиной, а Эммелина была далеко не простой больной. Она привыкла даже в свои немалые годы оставаться активной, всем заправлять и быть в курсе того, что творится дома, и лежать ей было невыносимо. Оттого прибавилось сварливости в её и так

несладком характере, а единственными домочадцами, на которых она не ворчала, были её внуки.

Это случилось второго мая, и воздух был уже свежим и ярким из-за того, что поле, деревья, трава и почва пробудились от последней весенней мерзлоты. Бабушка Эм попросила Тамару помочь ей одеться и зачесать серебристо-седые, короткие волосы гладко-гладко назад. Также она попросила найти нательный крестик её мужа. Тамара не вникала в подробности и сделала, как бабушка Эм просит, но потом Хэмлоу и Кэссиди удивлялись, найдя бездыханное тело старухи наутро. Она сжимала крест в костлявой руке, хотя не верила в Бога и не была религиозной до последнего дня своей долгой жизни, и даже смерти родных не переломили её решимости. Но что-то переломило сейчас, в решающие часы, когда за ней пришла смерть. Кожа, испещрённая пигментными пятнами, покрывала жилы и кости так туго, что, казалось, вот-вот лопнет. Крест с трудом сумели вынуть из закованной руки. На лице бабушка Эм хранила стоическое спокойствие, хотя даже в её мёртвых глазах затаился страх, и она была повернута лицом к окну, будто ждала кого-то.

Ждала кого-то, поставив перед собой и ним единственную возможную преграду.

Но это было наутро, когда едва занялась заря, и Кэссиди только проснулась, чтобы, как обычно, в начале четвёртого часа проверить, не обмочилась ли бабушка Эм. А вечером, когда зарево на небе опрокинулось своим двойником — ве-

сенним багровым закатом, Эммелина попросила Тима вывести её на террасу, подышать свежим воздухом.

Подышать им в последний раз.

Родители уехали тогда в банк на весь день: проверка документов по закладной на дом занимала много времени, и после, устав с дороги, они скоротали вечер в кафе «Счастливое местечко» в Лебаноне, даже не представляя, что следующим утром их ожидает суетливая подготовка к похоронам. Будь они дома, обязательно насторожились бы. Обязательно остановили бы случившееся. Но тогда их не было, и то, что случилось между Тимом и бабушкой Эм, стало тайной.

— Накрой-ка мне ноги пледом, Тимми, — сказала бабушка Эм. — Вон тем, из овечьей шерсти.

Он сделал, как она велела. До того он аккуратно снёс её из комнаты на втором этаже, а она держалась за его шею своими хрупкими, костлявыми пальцами, похожими на корявые ветки. Руки, поражённые артритом, были так не похожи на её же руки всего-то полгода назад. Да, бабушка Эм после того падения очень быстро сдала.

И вот теперь она смиренно сидела в кресле-качалке, непривычная к тому, что её спину не подпирает батарея подушек — и что она сидит, ей-богу, сидит, как раньше. Эта неуклюжая, глупая, ничего не знающая о медицине и самочувствии у стариков Кэссиди постоянно укладывала её, будь она неладна, словно пыталась превратить в беспомощную колоду.

Тим подоткнул плед с боков, чтобы под него не задувал холодный ветер с полей, и спросил, не хочет ли она чего ещё. Бабушка Эммелина, пожевав губы, сказала:

— Налей-ка нам по кружке горячего шоколада, Тим, и возвращайся сюда. Мне нужно тебе кое-что рассказать. — И она добавила, смерив его внимательным, всё ещё разумным, острым и пытливым взглядом, который никак не вязался с её подряхлевшей *оболочкой*. — Кое-что важное.

Тим ненадолго оставил её наблюдать за тем, как ветер гонит облака по алому небу, кажущемуся облитым кровью, а сам быстро сделал горячий шоколад, который бабушка Эм так любила — строго говоря, это был простой какао-порошок, смешанный с кипятком и молоком в равных пропорциях. Горячий шоколад дважды в году, на Рождество и Пасху, в маленьком ковшике топила мама из настоящей плитки.

Тим вынес две кружки и сел на стул возле бабушки. Он хотел помочь ей с напитком, но она взяла у него из рук кружку и сжала в своих крючковатых пальцах, похожих на вороныи когти.

— Эта весна такая тёплая, — сказала она. — Я помню годы, когда второго мая на полях еще лежал снег. Тогда нам было худо с урожаем. Были годы, когда он совсем не всходил.

Тим вежливо молчал и слушал. Он уже давно понял, что старикам порой нужно просто выговориться. Облегчить душу. Высказать все, что было в их головах, похожих на дырявые котлы, из которых варево ускользает сквозь бреши, те-

рятся по капле.

Они пили свой горячий шоколад — Тиму казалось, бабушка Эм прекрасно понимала, что это был только порошок, но ей просто горько осознавать, что ради неё никто не потрудился бы топить плитку настоящего шоколада, даже если бы это был последний шоколад в её жизни.

Воздух был так свеж, что казался горьким и резал лёгкие. Долго они тут не просидят, иначе замёрзнут, — вот что подумал Тим. И тогда бабушка Эм сказала ему то, что изменило всю его жизнь:

— Видишь, Тимми, край нашего поля? Вон там.

И она подняла руку и провела незримую черту дрожащим указательным пальцем.

Тим кивнул. Этой черты, конечно, в реальности нигде не было, но и Мейсоны, и Миллеры прекрасно знали, где она проходила: тридцать три фута от столба с пугалом — это край поля Мейсонов.

Бабушка Эм продолжила:

— Мы меряем черту по столбу, Тимми, ты же это знаешь? Он сказал, что знает.

— А обращал ли ты когда-нибудь внимание на тот столб?

Тим сказал, что не обращал. А зачем? На столбе было трухлявое старое пугало Мейсонов. Оно никогда не интересовало Тима. С таким же успехом бабушка Эм могла бы спросить, обращал ли он внимание на её эмалированный ночной горшок под кроватью.

— У этого пугала есть имя, Тимми, — сказала бабушка Эм и поджала тонкие, немного западающие губы. — Его зовут Мистер Полночь, и лет ему больше, чем мне.

Тим промолчал. Он просто ждал, когда бабушка Эм продолжит мысль, но она не торопилась: времени у неё этим вечером было навалом.

Она полагала, всё время мира в тот момент на её стороне. Поэтому, с удовольствием отпив горячего шоколада и оставив в уголке рта коричневый след от него, бабушка Эм причмокнула губами:

— Очень вкусно. Поживи с моёй, дорогой, и ты поймешь, что вкус шоколада всё такой же сладкий, неважно, сколько тебе лет: двадцать четыре или девяносто четыре. Я всё такая же юная здесь, Тимми, — и она с трудом сжала артритный кулак и послушала себя по впалой груди с выступающими костями. — Просто я заперта внутри этого тела. И я так от него устала, что с радостью расскажу тебе кое-что. Чтобы наконец он тоже пришёл за мной.

— Кто? — не понял Тим. — Кто пришёл?

— Ну как же. — Эммелина усмехнулась, и Тиму показалось, что это вышло немного зловеще. Ему стало не по себе. — То, что живёт внутри, конечно.

Тиму стало не по себе. Она положила пальцы ему на колено, сжала их на джинсовой ткани.

— Когда-то давно, когда ты был еще маленьким, Тимми, тебе и твоей сестре, как и всем детям в округе, мама и папа

рассказали кое-что.

Она долго, сухо раскашлялась, прикрыв рот сморщенной ладонью. Когда кашель унялся, продолжила:

— Некоторые правила, которые ты наверняка запомнил и строго исполнял уже много лет. Сколько себя помнишь.

Тим что-то такое, конечно, помнил, но смутно. Он не подзревал ещё, как сильны законы, строго внушённые детям в совсем ещё раннем возрасте. Он не знал, что были и те, кто их ослушивался — но Тим их не знал, потому что до своих двадцати они не дожили.

— Тебя в них никогда ничего не смущало? — Эммелина пытливо поглядела на него. Поглядела исподлобья, маленькими, выцветшими от возраста глазами.

Тим небрежно пожал плечами. Он думал, что этот разговор — обычный старческий заскок, но всё же задумался. Для него это были правила непонятные, и он, конечно, не раз и не два их нарушал — но исподтишка, понемножку. Выглядывал ночью в окно, но не видел там ничего необычного — только скучное поле, и не раз и не два прятался в амбаре в полдень. В пугало разок пульнул мелкашкой, проезжая мимо на велике — но камушек просто отскочил от крестовины и упал в подсолнухи. Тим спросил:

— Ба, что ты хочешь этим сказать?

Старая Эммелина Миллер, припав локтем на ручку кресла-качалки, неприятно ухмыльнулась. Закатные тени упали на её сухое, в морщинах, лицо, и на секунду Тиму показа-

лось, что под тонкой поблёкшей кожей что-то шевельнулось.

Шевельнулось там, где у неё была щека, точно кто-то изнутри провёл по ней кончиками пальцев.

Тим убедил себя тогда, что это просто игра светотени, и только. Тем более, больше ничего странного не происходило.

— Ещё до того, как я родилась, в моей семье случилось несчастье. Несчастный случай... — она надолго раскашлялась, а когда закончила, вытерла губы от капелек слюны. — Да, несчастный случай с их сыном. С их средним сыном.

Тим терпеливо ждал. Он скучал, он хотел к себе в комнату, чтобы включить приставку и сыграть в Ниер или Вульфенштейн, которые ему одолжил друг со школы. Он думал о своих делах и проблемах, он думал о том, как ему неохота слушать воспоминания старухи, отжившей своё. Он так глубоко задумался об этом, глядя перед собой, на террасные доски под ногами, что не заметил, как лицо бабушки Эмме-лины исказила злобная кривая ухмылка. Он не видел — а надбровные дуги её нависли над глубокими чёрными глазами, и рот расплылся в нехорошей улыбке, такой широкой, что оголились даже дальние зубы с провалами в самых уголках, где они уже выпали. Тени застыли, словно маска, на этом жутком лице.

И это было точно *не лицо бабушки Эмме-лины*.

— Мы тогда жили в другом доме, — сказала она, и голос её стал скрипучим.

Наверное, от холода. Тим рассеянно кивнул, глядя всё ту-

да же, вперёд.

— Поставленном совсем недалеко отсюда. Если захочешь, можешь спросить отца. Он расскажет тебе больше, если посчитает нужным. Но я не думаю, что он посчитает. Твой отец пока не понимает, что это важно. Очень важно. И что времени у всех нас осталось очень мало. Ведь, конечно, никто не будет думать об этом, если он — не глава семьи.

И она исподлобья поглядела на него, улыбнувшись ещё шире. Казалось, будто кто-то незримый уродливо растянул уголки её большого запавшего рта, чтобы улыбка была прямо до ушей — как в мультике Луни Тьюнз. Этот взгляд в упор, не имевший с человеческим ничего общего, Тим заметил не сразу. Тело подсказало ему сделать это. По загривку и спине пробежали мурашки. Он краем глаза увидел что-то. Что-то, что только по форме своей напоминало бабушку Эм, но ею не являлось.

Страх мгновенно охватил Тима, заставил быстро повернуть голову и посмотреть на Эммелину Миллер, но та казалась апатичной и уставшей. И ни тени улыбки.

Но не могло же ему показаться ?

Тим с трудом вспомнил, о чём она говорила, потому что ему стало не по себе. Он точно видел что-то странное с её лицом, но вслух спросил:

— Что ты считаешь важным, бабушка Эм?

— О-о-о, — довольно протянула она, словно ждала этого вопроса. — Историю про пугало, разумеется. Та, которую

ещё не знает твоя сестра.

И бабушка Эм странно рассмеялась — сухо, холодно. Тим поморщился и запахнул куртку.

Тогда бабушка Эм вдруг крепче взялась за ручку кресла и с силой подвинулась к Тиму, чтобы взять его за воротник куртки. Притянув его к себе, как мальчишку, она зашептала своими обескровленными губами прямо ему в ухо, и Тим сидел, остолбенев, точно ему сделали укол паралитика. Странное это было чувство: ненормальное, неестественное. Месяцем-двумя позже они с отцом поехали на пикапе в город и в лесу едва не сбили выбежавшего на дорогу оленя. Моментально выпрыгнувший олень застыл посреди разделительной полосы, глядя на пикап, и не собирался спасать свою жизнь: он был так напуган светом фар и рёвом двигателя, что просто оцепенел.

И если кто-то назвал бы оленя тупым животным, то Тим прекрасно понимал его. Он был тем самым оленем, и это его разбил паралич, когда бабушка Эм начала шептать ему *историю*, с которой всё и началось.

Он не помнил, сколько времени она рассказывала её, и не помнил, что было во время того, как она это делала, но солнце не успело совсем закатиться за горизонт. Тиму показалось, что прошло не меньше часа или двух, когда он не мог даже кончиками пальцев шевельнуть — но, когда бабушка Эм выпрямилась и отпустила его из неожиданно крепкой хватки, Тим обрёл способность двигаться.

Бабушка Эммелина тогда поёжилась. Тени сошли с её лица. Она снова стала обычной больной старухой и жалобно сказала:

— Тимми, отнеси-ка меня в дом. Я очень устала.

А наутро она умерла.

Бывает, человек умирает или уходит, покидает ваш мир — но оставляет неизгладимый след. Встретитесь вы или нет, неважно, если после себя он что-то оставляет на память.

Бабушка Эм оставила после себя *историю*.

Тим был очень подавлен, и всем казалось, это из-за того, что он опечален смертью бабушки Эммелины. Пожалуй, правду знали немногие, например, его родители. Но Тим стоял на похоронах в рубашке и брюках и думал о том, зачем старуха рассказала ему это. Он не помнил, что было там, во время истории — но ему это не нравилось. Оно засело внутри, как иголка, зашедшая под кожу; кололо и нарывало, как заноза. Они похоронили бабушку Эм всего через сутки, закопав её на местном кладбище — а история осталась жить.

Жить внутри Тима.

Он заметил, как изменилась его жизнь, почти сразу же, в первую ночь, как умерла бабушка Эммелина. Это случилось, когда он равнодушно опускал жалюзи на ночь — а лег он поздно — и мельком взглянул в окно.

Там, на границе поля Миллеров, за тридцать три фута до столба с пугалом, кто-то ходил.

Походка у него была нетвёрдой, будто он шёл на ватных ногах, совсем как пьяный. Его клонило, будто моряка на суше — то вправо, то влево. Но он бродил там, по полю, освещаемый тихим лунным светом, в своей шляпе и рваной накидке, и Тим очень хорошо видел, что этим кем-то было пугало.

Если прежде облик его был не таким чётким и не таким настоящим — ведь Тим всегда смотрел на него мельком и равнодушно, то теперь он, допытываясь до истины, увидел Мистера Полночь очень хорошо, поскольку тот явно от него не скрывался.

Он действительно никогда не скрывался, но вопрос был в другом. Прежде все игнорировали его, а вот Тим теперь — нет.

Тим вспоминал ту ночь, когда он в ужасе глядел, как живое пугало ходит по полю, и быстрее крутил педали велосипеда.

«Не смотри на него. Он пока слишком слаб, чтоб к нам подойти, но то, что живёт внутри, сгорит, если он нас достанет. Так что не смотри, сынок» — жёстко сказал Тиму отец прошлой весной, возле амбара, как раз в тёплый солнечный полдень, и стиснул вилы в мозолистой, загорелой руке.

Тим пытался не заглядывать ему за плечо, где криво стоял, ухмыляясь во всю щербатую холстинную пасть, Мистер Полночь.

«Делай вид, что его здесь нет, милый» — спокойно ска-

зала мать, зашторивая окна как ни в чём не бывало, только этой зимой. И Тим сглотнул, стараясь забыть, что Мистер Полночь стоял прямо под его окном, желая заглянуть туда и, может быть, постучаться в стекло.

Сын Орбинсона, Рой, неделю назад сказал Тиму, что не боится пугала. Он узнал о нём от своего дедули, Роя-старшего. Это случилось, когда они ездили вдвоём на рыбалку. Рой ещё добавил, что он взял бейсбольную битку и отходил пугало от всей души, и, что бы там мать с отцом ни говорили, а оно больше не бродило у него под окном. И Тим, устав дрожать столько лет от любого шороха и звука, взял камень и сбил шляпу с головы набитого соломой чучела, от которого у него шёл мороз по коже.

Потому что он верил в атомы, молекулы, научные теории и обоснования, а не оживших пугал с иголками, которыми набита его дырявая башка.

Он не стал уточнять, что сжёт шляпу, а золу вынес в поле и закопал. Он старался никому не рассказывать, что они с Роем привязали чёртово пугало проволокой за руки к крестовине, так, что даже порвали его и просыпали немного соломы. Он пытался забыть сегодняшний костослов.

Потому что только он — ни Тэм, ни Салли — не знали больше историю, которую знал он.

Глава пятая. То, что не стоило вспоминать

Ветер бил в окна дома Мейсонов, и ставни дрожали так, что первую ночь Салли совсем не спалось. Запахнувшись одеялом, она смотрела на краешек неба, накрывшись до подбородка, и думала о костослове.

Уснуть удалось часа в три или четыре, когда тучи вдали залились розово-сизым рассветом, но сон был тревожным. Одеяло Салли разметала в стороны, а наутро проснулась оттого, что страшно замёрзла, и замерла, встав на локтях на сморщенной простыне. Спина покрылась мурашками, но совсем не оттого, что было холодно. Салли в замешательстве смотрела на открытое окно и грязные следы на подоконнике.

Но за завтраком, когда Салли спросила об этом, бабушка уже загодя знала ответ.

— Обычное дело, милая, — ласково сказала она, посмеиваясь уголками сухих губ. — В наших краях под осень такое нередко бывает.

И она понимающе переглянулась с дедушкой. Тот ел глазунью с беконом, зажаренным до шкворчащей рыжей корочки, прямо со сковороды.

— Ветер крепчает, — сказал дедушка со знанием дела и покивал. — Да уж. Знаешь, какой он бывает сильный, когда

гуляет по полю? Один удар, фью! — окна настезь. Да что там окна. Деревья, бывает, с корнем вырывал.

— А пару раз прошлой зимой у нас даже выбивало ночью двери, — протянула бабушка и покачала головой. — Тут же кругом одни поля, милая, такой простор. Ветру есть где разгуляться. И грязи сегодня нанесло. Но ничего, я всё приберу.

— Не стоит, я сама!

— Ты лучше помогла бы мне разобрать мой сундук, — вдруг сказала бабушка. — Я как раз обещала твоей матери, что найду кое-какие её детские фотографии и отдам вам...

— Заодно перетряхнёшь с этого барахла пыль, — подхватил дедушка. — А может, что-то выкинешь. Сколько ты туда не заглядывала?

— Давно уже, — рассмеялась бабушка и подложила Салли чесночную булочку. — Ты такая худая, милая. Они там что, тебя совсем не кормят?

— Кормят, ба, — отозвалась Салли и посмотрела в окно. — Ещё как.

— Но я-то вкуснее кормлю?

— Конечно.

Ветер клонил деревья вдаль к земле, так низко, что, казалось, вот-вот сломает их в щепы. Подсолнухи в поле волновались, точно море, подступая золотисто-зелеными волнами к дому Мейсонов. По небу рваными полотнами плыли истрёпанные тучи. Салли смотрела в поле так внимательно, что совсем не заметила, как бабушка и дедушка, сидя за столом

плечом к плечу, совершенно неподвижные, как тряпичные куклы, набитые соломой, исподлобья впились в неё недобрыми взглядами, расплывшись в одинаковых широких, кривых улыбках.

— А буря не утихнет? — с беспокойством спросила Салли.

Когда она повернулась к своим старикам, они, как ни в чём не бывало, завтракали и смотрели в свои тарелки.

— Разумеется, нет, — и бабушка вздохнула. — Знаешь, теперь это надолго. Не раньше завтрашнего вечера. До того не жди — не утихнет.

— Как так, — расстроилась Салли. — Мы хотели встретиться с ребятами и съездить к реке.

— Миллеры всё поймут, они местные, — успокоил дедушка и похлопал Салли по руке. — Ты доедай завтрак, милая, доедай. Отдохнёшь сегодня дома, это тоже нужно, а то мы тебя даже не видим.

— Действительно! — подхватила бабушка. — А хочешь, я приготовлю что-нибудь вкусненькое?

Их доброта и полная нежности забота всегда удивляли Салли. Родители, разумеется, тоже её любили, наверное, пускай не показывали этого, как другие родители чужих чад, но бабушка и дедушка всё делали как-то по-особенному, и в старом доме было тоже по-особенному приятно находиться.

Днём.

— Да, давай. Как хочешь, — Салли растерялась, доедая

свою глазунью. — А я приберусь и... что там надо? Разобрать сундук? Что именно нужно найти?

— Я тебе всё расскажу, милая, — суетливо сказала бабушка, — только заварю нам чаю со сладостями. Мы давненько не болтали вместе. Не делились секретами. Не рассказывали друг другу разные *истории*.

— Это правда, — улыбнулась Салли, подчищая тарелку кусочком булочки.

Но на душе скребли кошки.

В спальне бабушки сильно пахло нафталином: быть может, потому, что у неё был настежь открыт шкаф, и она уже вытащила из него на кровать два старых пальто, ворох платьев на деревянных плечиках и дублёнку, поеденную молью. Наверное, она действительно твёрдо решила разобрать старые вещи у себя в комнате. Салли вошла туда, легонько толкнув дверь, и в задумчивости осмотрелась: сколько лет она совсем не заходила в бабушкину спальню?

Сколько лет она здесь не была ?

Не два года, это точно. Больше. Наверное, ей было лет одиннадцать, когда она играла с Тamarой в прятки в этом доме и первой забежала в бабушкину спальню, прикрыв за собой дверь. Чем ещё им было заниматься здесь, на ферме среди полей с подсолнухами?

Помнишь , что было дальше ?

Салли помнила, но не хотела вспоминать: между этими

вещами была огромная разница. Она дотронулась до дверного косяка, провела по нему ладонью, ощутив кожей шероховатую древесину и покалывание отслоившихся от старости щепок, и в её ушах совсем как вчера прозвенел весёлый голос Тамары:

— *Щёчка к щёчке, два кружочка, точка к точке, два крючочка...*

Они были такими дурочками. Визжа, носились по дому, прячась друг от друга, пока Мередит Мейсон, бабушка Салли, готовила внизу ужин. Тогда на закатном небе, глядевшем в окна, уже показались первые звёзды, такие яркие летним вечером. Салли, скользя кроссовками по старому дощатому полу и задыхаясь от восторга, заметалась в коридоре и нырнула в дверь бабушкиной спальни. Бабушка Мередит и дедушка Роб не спали вместе, как мама с папой. Салли не задумывалась, почему. Ей было только одиннадцать, она не обращала на это внимания.

Она не знала, как так повелось, но никогда не заглядывала ни в спальню к бабушке Мередит, ни в комнату дедушки Роба: двери в них были плотно закрыты. Маленькую Салли туда не пускали. Говорили, там много вещей, которые она может случайно столкнуть или опрокинуть, разбить или пораниться о них. Потом говорили, что маленькому ребёнку не место в стариковских комнатах: что там интересного? Пускай играет в гостиной или у себя. Родители не были против. Они никогда не были против того, что делали Роб и Мере-

дит, и порой всем четверым даже не нужно было говорить друг с другом. Стоило переглянуться, и они будто понимали, что хотят сказать. Салли, признаться, это *пугало*.

Но в тот тихий, спокойный вечер с лазоревым закатом, когда дети Миллеров и Салли Хэрроу играли в прятки, Салли как-то случайно схватилась за круглую медную ручку и толкнула дверь от себя, а когда сообразила, что это была спальня ба, дверь уже с тихим скрипом приоткрылась.

Там пахло ровно так же, как и сейчас. Пылью, спёртым воздухом, нафталином. Первой мыслью Салли было вот что: *я не пойду туда*.

Она подумала это так уверенно, что даже отступила на шаг от двери, вовсе не потому, что была такой уж послушной... Но, заглянув, почувствовала что-то всем нутром. И на короткое мгновение больше всего хотела оказаться подальше отсюда.

— *Щёчка к точке, точка к щёчке, получается лицо!* — выкрикивала слова старенькой считалочки Тамара в дальнем конце коридора на втором этаже.

Наверняка, Тим уже куда-то хорошенько спрятался.

И Салли, подумав, что ей осталось сказать всего-то три строчки, и что она вот-вот выйдет по коридору и будет искать — а вода из Тэм была замечательная — словно пересилила себя и нырнула в приоткрытую дверь, зачем-то задержав дыхание, как ныряльщик перед погружением в бездну. А потом прикрыла за собой дверь, только очень-очень тихо.

Будто старалась, чтобы её никто не услышал не *снаружи*, а *внутри*, в комнате.

Так она впервые очутилась в спальне Мередит Мейсон. Там было тихо. Удивительно тихо. Тогда она спросила себя: а куда подевались все голоса? И включённый в гостиной телевизор? И звук из радио на кухне? Куда подевалась считалочка Тэм?

Почему всё смолкло ?

Смолк даже дом со своими шорохами и скрипами. И птицы за окном. Мир накрыла густая, вязкая тишина. Но Салли недолго думала об этом: она была ребёнком, который гостил у своих бабушки и дедушки, только и всего, и она не ожидала никакого подвоха. Она задумчиво прошлась вдоль стены, возле которой стояли высокий комод с восемью чёрными ручками и запёртое пыльное трюмо. Салли остановилась между ними, с удивлением разглядывая множество самых разных чёрно-белых фотокарточек, помещённых в деревянные рамки с белыми паспорту вокруг. Салли не хватало роста, чтобы как следует разглядеть их все, но, задрав подбородок повыше, она смотрела в незнакомые, взрослые и детские лица, в основном хранившие поразительную серьёзность.

Какая-то часть снимков была сделана возле дома Мейсонов, близ пристроя или на фоне поля. Тогда людей там было по трое и даже больше, и все они были в рабочей одежде, в шляпах, кто-то даже с хозяйственным инвентарём —

а то было фото статного, хорошо одетого юноши на красивой лошади, которую в поводу держал смуглый мужчина в шляпе. Но, в большинстве своём, другие люди на снимках, строго и чинно сложив руки в самых разных позах, сидели на стульях, в креслах, на диванах, софах и в креслах-качалках. Разглядывая их и переводя взгляд с одной фотокарточки на другую, Салли заметила, что их объединяло только одно: все они были сняты с закрытыми глазами.

Странно. Зачем это?

Сейчас Салли не хотела смотреть на ту стену, не хотела даже поворачиваться к ней. Она старалась не думать, что все эти снимки были на прежнем месте. Как она о них забыла, когда столько времени гостила сейчас на ферме, и почему сейчас вспомнила? Но тогда, в свои одиннадцать, она долго рассматривала каждую деталь, каждый старинный, несовременный предмет одежды и мебели, каждое лицо, дивясь на то, как странно выглядят на снимках люди: похожими на кукол, или на манекенов, что ли, с такими же восковыми, невыразительными лицами. Салли не помнила, сколько стояла у стены, пялясь на неё, когда вдруг услышала тихие шаги по коридору и сообразила, зачем она здесь. Бесшумно попятившись, она наткнулась на что-то ногой и едва не вскрикнула от неожиданности, но вовремя зажала себе рот рукой. А обернувшись, увидела, что это был старый сундук в ногах бабушкиной кровати, опрятно застеленной лоскутным одеялом и пледом, с батареей подушек, выложенных в изголо-

вье по линеечке. Тогда-то в голову Салли пришла блестящая мысль залезть под кровать. Встав на четвереньки, она сунулась было туда, но кровать оказалась слишком низкой, так что пришлось даже лечь на живот и проползти вот так, словно солдат под колючей проволокой. Под кроватью было пыльно и неприятно пахло чем-то затхлым и сладковатым, как стариковская кожа. Дома у Салли мама хранила под кроватью чемодан, с которым они ездили на отдых, и большой тканевый кофр, набитый самыми разными тряпками: летом там хранились зимние вещи, а зимой — летние. Но у бабушки под узкой кроватью ничего такого не было. Только клубы пыли и она, Салли.

Устроившись поудобнее на локтях и поджав ноги так, чтоб не торчали с другой стороны, Салли из-под края одеяла наблюдала за дверью и кусочком комнаты. Пока что спальня была пуста, но Салли уже слышала шаги по коридору, которые словно бы усилились, отдаваясь глухим стуком в половицах и во всём теле. И из тихих эти шаги становились громкими, а затем Салли показалось — лишь на миг — что такой звук могли издавать вовсе не кроссовки Тэм, а чья-то тяжёлая, несомненно взрослая и, быть может, даже мужская, обувь. И такая же мужская поступь.

Прошло много лет, и Салли выросла, но иногда, в мгновения одиночества, когда кожа покрывалась мурашками от внезапного страха, нет-нет да вспоминала тот вечер. Тогда в голове всплывал единственный вопрос — *что это было?*

Как любое событие, не вписывавшееся в устойчивую картину мира, её сознание предлагало парочку неплохих объяснений.

Первое — ты была ещё ребёнком, Салли, и просто придумала себе всё это, когда залезла под кровать в жутковатой бабушкиной комнате с кучей старых вещей. Там было темно и пыльно, плохо пахло, ты накрутила себя и случилось то, что случилось. Ничего необычного. Всё нормально.

Со вторым объяснением ей хорошо помогли старшие родственники. Они просто сказали Салли, что в тот вечер ничего не произошло, *вообще* ничего. Это было ложное воспоминание. Откуда только оно у тебя? Ох, ты такая фантазёрка, Салли! Вы проиграли с Тэм в прятки до ужина, потом сытно поели — кажется, это была жареная курица с горошком и картофельным пюре — и легли в спальных мешках в её, Салли, комнате, чтобы почувствовать себя, словно в походе. В тот год Салли ничего не смогла спросить у Тэм после того вечера. Наутро за ней приехали родители и увезли домой, а потом... потом понадобился целый год, чтобы Салли уверилась: ничего и вправду не было. Спрашивать что-то у Тэм было уже странно. Она же не хотела показаться подруге чокнутой?

Но Салли знала, что оба этих объяснения никогда не устраивали её. Она старалась не думать об этом все прошлые годы, и тут — нате. Зашла в бабушкину спальню и поняла, что всегда существовала единственно верная история, в ко-

торой всё случившееся было невозможно объяснить, но оно правда произошло с ней.

Произошло в этой самой комнате.

Она помнила, как сейчас, тот холодок, пробежавший по спине, в предвкушении, что вот-вот дверь откроется, и в неё войдёт Тэм. Она продолжит свою глупую теннисийскую считалочку и начнёт обрыскивать каждый уголок.

Салли поёрзала на досках.

Конечно, Тамара рано или поздно её найдёт. Может, стоит выпрыгнуть на неё с криком «Бу!» из-под кровати? Да, пожалуй, что стоит. Тим и Тамара часто дразнили Салли «городской девчонкой». Не со зла, конечно, просто так — потому что она и была городской девчонкой, в общем-то, и ничего обидного в этом Салли не видела. Но всё равно чувствовала некоторое глупое детское превосходство и соперничество, и ей доставило бы массу удовольствия увидеть, как Тэм завопит от страха.

Она улыбнулась себе в ладошку, прикрыв ею рот, и с озорством принялась ждать, когда Тамара зайдёт в комнату. Она слышала, что шаги в коридоре постепенно звучали всё ближе к ней, и вся напряглась, когда они внезапно остановились. Но затем дверь действительно открылась, и в неё кто-то вошёл.

И это была не Тамара Миллер.

Салли вздрогнула, улыбка слетела с её лица. Она всё ещё крутила на языке, как выкрикнет пугалку в лицо Тэм, однако это было запоздалой мыслью, похожей на сломанную пла-

стинку на игле патефона. Она смотрела на ботинки вошедшего. Как она и предполагала по шагам: *тяжёлые, взрослые, мужские*.

Салли не верила своим глазам. Кто это мог быть? Она знала, что дедушка Роб такой обуви не носит. Он носит обычные рыжие «Роджерсы» с округлым носом и крепкими шнурками, а эти — эти были с длинными носами, узкие, пыльные, грязные, чёрные, со скошенным каблуком и выточками по плотной коже, сделанными коричневой ниткой. На когда-то изящных носках лодочкой, совсем как в ковбойских фильмах, были металлические пластины, покрытые тонким слоем рыжей ржавчины, потускневшие. С каблуков на досках при каждом шаге оказалась сухая, осыпавшаяся земля, и Салли показалось, что подошва у правого ботинка чуть отходит, прося каши. Поджав локти под грудь и вся напрягшись, Салли пристально смотрела за тем, как хозяин странных грязных ботинок неторопливо, широко прошёл мимо комода и остановился против стены с фотокарточками, повернувшись к кровати спиной.

Салли боялась даже вздохнуть. Здесь, перед ней, стоял чужак, а она совершенно одна, и не может ни сбежать, ни позвать на помощь. Ей показалось, что он замер против стены, явно пялясь на неё, очень и очень долго. У Салли уже затекли руки и ноги. Она не смела пошевелиться, опасаясь, что любой шорох привлечёт внимание незнакомца. На пол легли лиловые тени от заката. Сколько же времени прошло, и

почему никто не хватился её? Почему никто её не ищет? И ещё — почему она не слышит ни чужого дыхания, ни других звуков, совсем никаких, будто лежит в комнате совсем одна?

От страха Салли вжала голову в плечи, стараясь сдержать дрожь в похолодевших руках, но ничего не получалось: чем дольше она здесь пряталась, тем страшнее ей было. Вдруг человек, до того застывший, ожил и развернулся на каблуках. Теперь носы его ботинок смотрели прямо на сундук, краешек которого Салли прекрасно видела выглядывавшим из-за одеяла. И ей показалось, незнакомец буравит кровать пронзительным взглядом, будто прекрасно знает, *кто* под ней прячется.

— *Два, три, четыре, пять. Я пришёл с тобой играть...*

— вдруг прошелестел голос в комнате. Такой сухой и безжизненный, что Салли показалось — это вздохнули от ветра ветки старого дерева за окном. — *Обошёл я всё кругом, оказался пуст твой дом.*

Салли зажала рот руками, так крепко, что челюстям стало больно. Рыжие косички подметали пыльный пол, но ей было плевать. Она хотела закричать, но боялась, что выдаст себя, и тогда случится что-то необъяснимо ужасное, что-то такое, от чего не спасут ни бабушка, ни дедушка — никто в целом мире. Потому что тот, кто стоял в спальне, искал именно её, Салли. И знал, что она прячется здесь.

Он это знал, просто пришёл с ней поиграть.

— *Шесть и семь, шесть и пять. Я иду тебя искать. Как*

найду — скорей беги. Вырву сердце. Съем кишки...

Салли было всего-то одиннадцать. Она едва сдерживала слёзы, чтобы не расплакаться. Если расплчется, тогда — пиши пропало.

— В ногти загоню иголки, покажись, мальшика Салли — прятаться ведь нету толка...

А голос крепчал и нарастал. Он шептал, говорил то тише, то громче, и, если бы не отчаянный страх Салли, он заво-рожил бы её. Страшный человек — человек ли? — обошёл кровать справа, но тут же развернулся в другую сторону и резко открыл сундук, будто желая застать Салли врасплох. Думал, что она прячется там? Салли так не казалось. Он же сказал, что играет.

Скрипнула крышка, но под ней, конечно, никого не было.

— Салли , Салли . Салли , Салли . Ты звала — и я пришёл .

Он громко закрыл крышку сундука, и та грохнула так, что Салли от испуга подпрыгнула, стукнувшись макушкой о матрас, вся напряжённая, как взведённая пружина. Об пол у Салли стукнулись колени — и человек тут же смолк. А затем зашептал так елеинно, что у неё от страха заколотилось в горле сердце:

— Выйди в поле , детка, Салли . Выйди в поле , к воронью

Он закружил уже левее, медленно обойдя кровать с той стороны, где у Салли была голова, а не ноги, и она попыта-

лась отползти назад, уже тихонько поскуливая и понимая, что он просто издевается над ней, потому что знает, где она. Знает, что она прячется под кроватью. Знает — и вот-вот найдёт. И молчать теперь бессмысленно, но от страха она даже пикнуть — и то не может.

— *Погуляем в полночь, Салли,* — шепнул он очень тихо.
— *Утром я тебя убью.*

Он остановился прямо напротив неё, так, что она теперь видела каждую трещину на кожаных ботинках, каждую вмятину на металлической пластине на их носках, и землю на полу, крупинками осыпавшуюся под каблуками, и стежки. Салли, задержав дыхание, с мольбой в глазах смотрела на них, точно просила незнакомца или оставить её в покое, или схватить — но быстро и так, чтобы она ничего не почувствовала.

— *Ты звала — и я пришёл .*

Наступила такая плотная, густая тишина, что в его едва слышном шёпоте она слышала низкие, грубые, нарастающие нотки. А затем человек неторопливо опустился на одно колено и коснулся пола рукой. Салли вздрогнула, чувствуя, как бухает в груди её сердце, и удары эти отдаются в рёбрах так, что заболели даже кости.

Рука его была грязной и смуглой, и грязь эта, и земля въелись в кожу и под ногти так глубоко, что Салли не могла толком различить даже цвета. Ладонь была перетянута чёрной тряпкой, пятнами порыжевшей, точно она сгорела на солнце. Он свесил кисть другой руки с колена, и Салли по-

холодела, когда увидела, что в ней он держал большой серп. Такой острый, что, даже коснувшись воздуха, лезвие его издало металлический шелест.

И Салли знала, что будет дальше. Она была ещё ребёнком, но понимала, что случится что-то страшное и безысходное. Готовая вскочить и бежать, бежать и спастись, она попыталась совладать со своим страхом, но у неё задрожали губы.

И вдруг...

— *Восемь, девять. Я тебя нашёл!*

Что-то схватило Салли за ноги, и она завизжала так пронзительно, что сама не узнала собственного голоса. Дёрнув пяткой и рванувшись вперёд, она вдруг обнаружила, что человек, который был перед ней лишь мгновение назад, куда-то исчез — остались только грязные следы от его ботинок на полу. Выскочив, как пуля, из-под кровати, Салли, не оборачиваясь и не глядя по сторонам, долетела до двери, слыша за своей спиной только громкий, басистый, раскатистый хохот.

Она рванула ручку на себя, но та не поддавалась: дверь заперли! Салли в панике задёрнула её ещё и ещё, расплакавшись. Слёзы застлали глаза, в панике она почти ничего не видела перед собой — но слышала неторопливые шаги. Они были всё ближе и ближе, и Салли сжалась, как перед ударом, прильнув плечом к дверному полотну. Спустя мгновение, к её ужасу, выше её головы в дверь упёрлась та ужасная рука с серпом, и Салли спиной ощутила длинную тень *кого-то*

большого и высокого.

Он не касался её, но навис над ней так близко, что она слышала запах земли и сладковатый душок соломы и сена, и маеливый запах жухлой травы, от которого свербело в ноздрях. Серп раскачивался на цепи, словно маятник от часов, перед глазами Салли, и она не могла оторвать взгляда от его лезвия, испачканного в земле.

А потом он мягко положил руку на дверную ручку, коснувшись Салли, и девочке вся передёрнулась, точно на неё заползла змея или паук. Незнакомец легко открыл дверь, так, словно та не была заперта — и, низко наклонившись к уху Салли, сказал:

— *Бу!*

Вынырнув из воспоминаний в тот момент, как девчонкой она бросилась бежать прочь из комнаты и сразу наткнулась на Тэм, Салли обернулась и вскрикнула, подпрыгнув на месте. Позади неё стояла бабушка Мередит с подносом, на котором она красиво расставила заварочный чайник, две чашки и блюдо с печеньем.

— Боже мой, ба! — Салли, вся бледная от испуга, выдохнула, прижав ладонь к груди. — Ну зачем же так подкрадываться...

— Ты что, родная, я звала тебя дважды, но ты стояла, вся в своих мыслях, — бабушка с укором посмотрела на неё. — Я тебя напугала?

— Есть немного, — Салли опомнилась и забрала у неё

поднос. — Тяжелый... почему меня не попросила принести?

— Ерунда, это ерунда, — скромно отмахнулась бабушка и первой вошла в свою комнату. — Ну что же, чай поставь вот сюда. Дай-ка я приберу кое-что с комода...

Салли прошла следом за ней и с опасением посмотрела на стену. Фотографии были всё там же. И Салли, опустив поднос с чаем куда было велено, совсем не заметила, что на лице бабушки Мередит проскользнула быстрая, недобрая улыбка.

Глава шестая. Постмортем

— Хочешь, я добавлю в чай сахар? — бабушка Мередит засуетилась. — Или...

— Ба, не переживай. Давай лучше я разолью, — сказала Салли и мягко взяла тяжёлый фарфоровый чайник. А затем бросила взгляд на вещи, выложенные на постель. — Ты решила разобрать шкаф?

— Нет-нет, — бабушка поморщилась и неловко улыбнулась. — С чего ты так подумала?

— Но... — Салли снова красноречиво посмотрела на дублёрку, пальто и ворох платьев позади них.

Они с бабушкой устроились на кровати, а поднос поставили на сундук. Мередит неловко обернулась.

— Ах, это... — она закатила глаза и, вздохнув, махнула рукой. — Не обращай внимания, дорогая. *Он* опять балуется. Полдень ведь. В полдень на целый час и на час в полночь он бродит где хочет, и в такие дни порой бродит здесь... Ох, я даже не удивлена. Да, да, не обращай внимания.

— Кто — он? — слегка нахмурилась Салли.

Но бабушка Мередит ничего не ответила. Пригубив чай, она похвалила:

— Хорошая заварка. Я добавила сюда лаванды, мелиссы, немного мяты. Попробуй. Попробуй. Нравится?

Салли сделала глоток, покатала чай на языке.

— На вкус какой-то странный. И пахнет будто травой.

— Там много всяких трав, — заметила бабушка. — Я же говорила. А ещё там есть полынь.

— Разве она не должна быть горькой? — удивилась Салли.

Бабушка Мередит покачала головой.

— Вовсе нет, милая, она тоже разная. Есть такая трёхзубчатая полынь. Местные красные зовут её сладкой. Они суют её в свои лечебные порошки, моют ею голову, добавляют в табак, и вот — даже пьют с нею чай. Вкусно?

— Вкусно, — пробормотала Салли и отставила чашку. — Ба, так что мы должны были здесь найти?

Та усмехнулась, положила руку на колено внучки, и с улыбкой сжала его:

— Не мы ищем это, а оно находит нас, дорогая. Понимаешь разницу? — а потом, похлопав, снова выпрямилась.

Салли тоже улыбнулась, будто бабушка сказала какую-то забавную шутку, но улыбка вышла скованной и неловкой. Бабушка Мередит попросила поставить поднос с чаем на подоконник.

— Нам сейчас понадобится сундук, — пояснила она, и Салли сделала, как было нужно.

Когда она подошла к окну, то заметила, что ветер не утих. Напротив, усилился, будто бы крепчая, и низко клонил деревья у края поля к земле, а те, что вели вдоль дороги к ферме, шумели густыми зелёными кронами. С них осыпалось

прилично листьев. Салли поглядела за стекло, в поле. Отсюда хорошо было видно его целиком: подсолнухи прикрыли налитые головы, накормленные чёрными семенами, над ним волоклись тяжёлые, серые тучи. Потом Салли поглядела далеко-далеко, к хмурому горизонту, там, где была ферма Миллеров, и сощурилась, потому что ей показалось, что чёрная крестовина с пугалом пустовала.

Крестовина была, а пугала — нет. Что за дела?

Салли оперлась о подоконник и приблизила лицо к стеклу. Почему-то ей почудилось, что пугало теперь было куда дальше обычного. Ночью она запросто могла разглядеть заплаты на его плаще, сейчас едва различала крестовину. Сузив глаза и сморгнув влагу от напряжения, такую, что в них двоилось, она вгляделась снова, не понимая, почему не может как следует рассмотреть это чёртово...

— ...хорошо?

Салли вздрогнула и обернулась. Бабушка Мередит сидела на прежнем месте, открыв крышку сундука, и с вежливой, но непонимающей улыбкой, в которой сквозила странная прохлада, глядела на внучку.

— Что ты спросила, ба?

— Я спросила, — та с укором вздохнула, — у тебя всё хорошо?

— Да, — Салли растерянно потёрла лоб и села к ней на кровать. — Да, я просто... Знаешь, — она замялась. Бабушка Мередит продолжала удивительно холодно смотреть на

неё, как на чужую. — У вас в поле стоит такое занятное пугало.

— Ах, это, — голос у Мередит потеплел. Она рассмеялась. Смех был *мягким и полным*, как и вся она. — Ты про Мистера Полночь?

— Про него, — согласилась Салли и рассмеялась. Получилось немного нервно. — Ты знаешь... можешь подумать, что я сошла с ума, но мне показалось, что его там...

Не решаясь закончить, она смолкла. Бабушка пожевала губы, затем начала ковыряться в сундуке, задумчиво выкладывая один предмет за другим. В воздухе запахло сладковатой пылью и чем-то душным, затхлым, лежалым. Так пахнет старческая несвежая кожа и мёртвое тело через несколько часов после трупного окоченения.

— Что его там нет? — вежливо заключила Мередит и улыбнулась. В отличие от губ, глаза её не улыбались вовсе. — Ну что же, это неудивительно. Сейчас полдень, и Мистер Полночь решил немного прогуляться. Ведь полдень, милая, это то же самое, что и полночь, только наоборот. А! Вот и фотокарточки.

Пока Салли переваривала услышанное, не зная, что сказать, бабушка Мередит достала из сундука большой кожаный альбом и раскрыла его. На первых страницах были чёрно-белые, но свеженькие на вид снимки, но они не интересовали бабушку Мередит. Она всё листала альбом, пока не ткнула в страницу, покрытую тонким слоем пыли, и помани-

ла к себе внучку.

— Гляди-ка, кто это здесь. Не узнаёшь?

Салли вгляделась в старую фотокарточку, на которой запечатлели темноволосую, кудрявую женщину в элегантном хлопковом платье. Губы её были подкрашены тёмной помадой и на контрасте с белизной кожи смотрелись удивительно ярко; глаза тускло, холодно и невыразительно смотрели в объектив и казались неживыми. Женщина вольготно полулежала в плетёном кресле. На её полных, покатых плечах был разложен красивый белый воротник. За её плечами стояли два мальчика и девочка. Мальчик с короткой стрижкой, в рубашке, коротком пиджачке и бриджах, робко положил руку на спинку кресла. Девочка, плотно сжав губы, крепко держала у груди куклу. Мальчик постарше хмуро стоял позади всех. Салли показалось, что дети на фотокарточке были чем-то напуганы.

— Нет, бабушка, прости: это же старые снимки, — извиняющимся тоном сказала она.

— Это ничего, ничего, я тебе всё расскажу. Гляди внимательно. Что же ты, ну?

Салли пожала плечами, но бабушка цокнула языком и нетерпеливо воскликнула:

— Милочка, так ведь это же я! Ну, взгляни!

И Салли посмотрела на девочку получше. Если бы добавить ей возраста, и впрямь она была бы похожа на Мередит. Только, конечно, тогда она была совершенно не , а... Сал-

ли почесала уголок над бровью. Какая у неё была фамилия? Она же совсем ничего не знает о своей семье! В начальной школе у них был проект, связанный с семейным деревом, но Салли уже совсем не помнит, что они с мамой написали на большом куске ватмана, и тем более, не помнит ни имён, ни фамилий. Но признать в этой крохе свою семидесятилетнюю ба было трудно.

Страницу перелистнули, картинка сменилась. На следующем развороте было несколько чёрно-белых выцветших фотокарточек. На них Салли увидела странного, апатичного мальчика лет двенадцати в окружении родителей. Мать была печальна, отец держал руку на лацкане пиджака и ровно стоял у стула, на котором, сгорбившись, восседал их сын.

— А это — твои прапрабабушка с прапрадедушкой, Салли, — указала Мередит. — И их сын, Чарльз. А вот здесь, видишь? Это их дочка, Эбигейл, и её старшая сестра, Морган. Они сидят со своим отцом. Он очень представительный, правда?

Салли взгляделась в прехорошенькие овальные, мягкие лица двух девушек в красивых чёрных платьях. Обе сидели за круглым столиком. На столешнице был вырезан большой глаз, обрамлённый солнечными лучами. Эбигейл, с волосами выющимися, совсем светлыми, была что нежный ангелок. Морган с лицом, сплошь покрытым веснушками ровно по строгий высокий воротник, и с тёмными волосами, убранными в узел, смотрела молчаливо и спокойно. Третьим за

столом сидел массивный мужчина в костюме-тройке, скрывающем под прекрасным покроем объёмный живот, и глядел прямо в объектив. Правое плечо у него странно и неестественно торчало, будто под пиджаком он прятал костыль.

— Морган немного похожа на тебя, — с любовью заметила бабушка и погладила фотокарточку кончиками пальцев. — Я её помню. Тётушка Морган приехала к нам совсем старушкой, едва на ладан дышала, да, да. Она-то и рассказала Дженнис эту историю, Салли. *Ту самую. А Дженнис рассказала её мне.*

И бабушка Мередит улыбнулась, смолкнув. Она надолго вперилась немигающим взглядом в лицо Салли, будто чего-то выжидая, пока сама Салли разглядывала снимок. Сперва она этого не замечала. Растерянно подняв на бабушку взгляд, Салли смутилась:

— Ба, ты о чём?

Бабушка Мередит подвинула альбом в сторону и с трудом наклонилась в сундук. Из его пыльного нутра она вынула ещё что-то, похоже на книгу, обёрнутую в старый кружевной отрез ткани, но оказалось, это была стопка фотокарточек.

Мередит молча, с дружелюбной улыбкой, положила их внучке на колени и помогла развязать лоскут, на котором держалась ткань. Салли растерялась, увидев множество чёрно-белых, коричневатых, кофейных, тусклых и поярче — в общем, самых разных — старых снимков. Касаться их не хотелось. Взглянув на первый — на нём в комнате, располо-

жившихся в креслах и на софе, сидело с десяток человек — она вздрогнула, потому что у всех них глаза были закрыты.

— Приходилось ли тебе когда-нибудь до этого дня видеть *постмортем*, милая? — нежно спросила бабушка Мередит.

Салли нахмурилась и всё же, пересилив себя, прикоснулась к шершавой карточке с мягкими от времени, подсыхавшими краями. Она убрала её в конец стопки и посмотрела на следующий снимок. Две девочки-близняшки лет десяти, не меньше, с одинаковыми тёмными косичками и в одинаковых же платьицах с опрятными передниками расположились на одном узком диванчике возле вазы с большим цветком. Глаза их также были закрыты. Салли начала догадываться, но произносить это вслух не хотела. Станный детский страх, как паук, быстро пробежал под футболкой между лопаток, и Салли рассеянно ответила:

— Нет, ба.

— Это посмертные фотографии, — с готовностью продолжила бабушка, точно ожидая такого ответа. — Видишь ли, дорогая. Было время, и люди с готовностью делали такие снимки со своими усопшими родственниками, чтобы навсегда запомнить их такими, какими они ушли из этой жизни. Оставить в память о них некоторый сувенир, если хочешь. Запечатлеть в вечности.

Салли догадывалась, что услышит именно это. Страх потеснила растерянность: зачем ей об этом рассказывают? — но вместе с тем, словно зачарованная, она продолжила ли-

стать стопку. Одна за другой, в её руках оказывались фотографии самых разных людей, изображённых в непринуждённых позах. Салли сообразила, что везде так смущало её. Люди эти только *похожи были на живых*, но, если присмотреться внимательнее к их замершим в оцепенении лицам, к их вялым конечностям и безвольным телам, можно было всё понять даже без пояснения. Салли бросила неловкий, быстрый взгляд на стену, когда её осенила страшная догадка — и бабушка Мередит улыбнулась. Улыбка эта не понравилась Салли. Она была удивительно недоброй, а ещё показалось, что зубы у неё стали мельче и острее обычного.

Или это из-за теней, которые падали из-за туч, гонимых ветром?

— Там тоже есть посмертные карточки? — тихо спросила Салли.

— Конечно, милочка. — Бабушка Мередит усмехнулась. — Это было очень в моде в девятнадцатом веке, но в наших краях и в моём детстве было очень популярным делом. Тем более, люди тогда мёрли, как мухи. Мрут и теперь, — тут она тяжело вздохнула. — Да, мрут и теперь.

Салли сглотнула. Затылок охватил лёгкий холодок. Не зная, что на это сказать, она просто молча слушала, как сетует её бабушка, качая головой с убранными в пучок седыми волосами.

— Годы никого не щадят, милочка. Погляди, вот на этом снимке тоже я. Здесь мне восемнадцать, и я уже замужем.

Видишь, видишь? Вот он, стоит рядышком. Это наш дедушка, милочка. Узнала его?

Салли сухо кивнула.

— А вот моя подруга, Дженнис, с другой стороны. Она выглядела очень хорошо в этот день. Я помню, что у нас не было денег, чтобы вызвать фотографа из Альтамонта сразу после смерти, так что Дженнис, может быть, неделю, но пробыла в сарае. Запах мы крепко пытались отбить нафталином и много чем ещё, но ничто, конечно, не помогало. Окна были нараспашку, думаю, ты понимаешь почему, милочка.

Салли заметила на снимке за спиной Дженнис, миловидной, совсем юной девушки с завитыми буклями, большой металлический штатив — там, за краешком её изящного платица. Она стояла, как восковая кукла на подставке, и, если бы бабушка не сказала, что она мертва, Салли никогда не подумала бы этого сама.

Точно прочитав её мысли, бабушка Мередит вдруг спросила:

— Знаешь, как отличить на таком снимке мертвеца? Погляди-ка сюда, дорогая. Видишь, какие у неё тёмные руки? — и она указала на скрещённые запястья.

Пальцы и кисти рук действительно были куда темнее шеи и выбеленного лица. Но Дженнис так ясно смотрела на них, и взгляд её был таким открытым, таким свежим, пусть и очень спокойным. Салли стало не по себе, она почувствовала странную духоту, от которой совсем истомилась в спальне,

и вскользя бросила взгляд на дверь. Тогда-то она и заметила, что дверь была плотно, до щелчка, закрыта.

— Когда-то люди верили, что на снимках можно запечатлеть и сохранить частичку души того, кого так рано потерял, — бабушка Мередит с любовью разгладила фотокарточку, коснувшись лица Дженнис подрагивающими пальцами. — Даже если нас покидает глубокий старик, нам всё равно кажется, что смерть забрала его *слишком рано*. По натуре своей мы глубоко эгоистичны и никогда не хотим отпускать дорогого нам человека.

Салли осторожно пыталась убрать фотоснимки в сторону, на сморщенное покрывало, но бабушка Мередит остановила её, положив руку на покрытое веснушками запястье.

— Что такое, милая? Ты куда-то торопишься?

— Ба, я... — Салли лихорадочно соображала, что бы сказать. — Послушай, разве мы здесь не для того, чтобы что-то найти? Ты хотела разыскать детские... мамин альбом, верно? И...

— Салли, Салли, Салли, — бабушка Мередит с тихой улыбкой покачала головой. В её бледных серых глазах появилось странное, застывшее выражение — ни дать ни взять покойница со снимка. — Почему ты так перепугалась, милая?

— Вовсе нет, — солгала Салли, чувствуя, как от страха онемели кончики пальцев и стали ватными ноги. — Просто я не знаю, зачем терять на это время, и...

— А голосок дрожит, и глазки блестят, совсем как у ма-

ленькой, когда пыталась не заплакать, — тонко подметила бабушка. — Но это больше не поможет, Салли. Мы остались здесь втроём. Так что ты послушаешь историю, которую я приготовила для тебя, моя милая, и дело с концом.

— Втроём? — переспросила Салли и настойчиво переложила фотокарточки с колен на одеяло. — Ба, мы...

— Ты, да я, — промурлыкала старуха, грузно обмякнув на кровати совсем рядом с собственной внучкой. — Да Мистер Полночь.

Кто-то опустил руки Салли на плечи, и она вскрикнула и вскочила с кровати, передёрнувшись, как если бы под одеждой ей заползла многоножка. За спиной никого не было — только бабушка по-прежнему улыбалась, глядя на Салли, и позади неё лежал ворох одежды.

Дублёнка. Несколько платьев на дубовых вешалках. И пальто.

Салли, не произнеся ни слова, молча направилась к двери. Внезапно, пройдя мимо фотокарточек на стене, она отчётливо услышала странный стеклянный шёпот оттуда, *из-под старых деревянных рамок*, и, остановившись на короткое мгновение, посмотрела на них. Снимки были в густой тени. Дневной свет их не касался, и с каждого снимка, с каждого лица прямо на Салли смотрели белые, тускло светящиеся точки вместо глаз. Десятки таких жутких точек, похожих на крохотные, манкие огоньки глубоководных рыб-удильщиков.

— Чтоб меня, — испуганно сказала Салли и бросилась к двери.

В голове царила ужасающая пустота. Не было ни одной мысли, кроме пульсирующего, глубокого, почти всепоглощающего страха — и Салли, дёрнув дверь за ручку, совсем как в детстве, с той же отчаянной паникой поняла, что её снова заперли в бабушкиной спальне.

— Полдень, — тихо сказала бабушка Мередит у неё за спиной, — это почти то же самое, что полночь, милочка. Особенное время, когда небесное светило находится в зените своего положения над Землёй.

— Ба, открой дверь, — твёрдо произнесла Салли, не собираясь оборачиваться.

Что-то внутри неё знало: сделай она это — и случится нечто ужасное. Но бабушка Мередит ничего не ответила на эту просьбу. Она встала с постели. С громким хрустом размяла уставшие позвонки. Шаг за шагом направилась к внучке, сжавшейся у тяжёлого, дубового дверного полотна.

— На здешних землях чего только не случалось, дорогая, — продолжила Мередит. — Но зло зародилось на них куда раньше, чем я появилась на свет. Всё, что у него есть — это история, которую он передаёт от одного человека к другому, когда придёт время. Моё время пришло, когда оно забрало Дженнис. Тогда Дженнис нашептала мне историю мёртвыми губами прямо в ухо, и я стала смотреть на многие вещи совершенно особенным, правильным образом, Салли.

Она подошла ближе, и Салли почуяла тошнотворный запах разложения и гнили. Она не знала, что грядёт и что будет затем, но попыталась вынести дверь плечом. Этого, конечно, не вышло: разве что руку пронзила глухая боль, только и всего. Дверь была слишком крепкой.

— Не нужно никуда убегать, милая, — бабушка Мередит встала к ней так близко, что Салли услышала у себя на затылке её тяжёлое, неожиданно горячее дыхание. — Потому что я всё равно расскажу тебе эту историю, захочешь ты того или нет. *Каждый в нашей семье её знает.* И твоя мать, и твой отец. И я, и твой дедушка. Каждый несёт в себе это семя. Пришла пора понести его и тебе.

Салли задёрнула круглую ручку, что есть сил. Заколотила в дверь кулаками. Звать помощи было бесполезно — она поняла это почти с безнадежным ужасом — и бабушка Мередит легла ладонями ей на плечи и прошипела в самое ухо:

— *У него есть имя обычное и имя настоящее. И настоящее он скрывает. Если ты услышишь его тёмной ночью или ясным днём, не зови, иначе он придёт. Он наш первый враг, он тот, кто убивает всё, что сидит внутри нас. Останься с нами, Салли. Тот, кто знает историю, будет жить. А тот, кто истории не знает, прогневает их, как кару этих земель, на которых светит жадное, вечно голодное солнце цалаги...*

И вдруг ручка поддалась. Потной ладонью Салли обхватила её. Там, в замке, быть может, она сдвинула крохотный

паз — это было ей до конца неизвестно — но дверь поддавалась, щёлкнула, и Салли вылетела наружу, задыхаясь от запаха разложения и дрожа от страха. Она захлопнула дверь, даже не глядя на неподвижный бабушкин силуэт, такой неживой, что её обмякшей фигуре не хватало разве что штатива. Затем, не останавливаясь, бросилась прочь к лестнице, но увидела бегущую по стене вдоль ступеней тень, ломаную и высокую, и резко развернулась обратно. И, добежав до конца коридора, она заперлась в своей комнате.

Руки по-прежнему тряслись, мочевого пузыря был переполнен, пояс джинсов страшно давил. Салли ощутила тошноту, затем — резкий приступ рвоты. Кое-как сглотнув кислую слюну и подавив желание стошнить, она подумала о травянистом чае, который пила вместе с бабушкой в той комнате, под присмотром десятков светящихся глаз с фотоснимков — и, борясь с собственным недомоганием, подошла к окну. Открыв одну створу, а затем — вторую, она, не сомневаясь, села на подоконник и перекинула на оконный скат ноги. В этот момент дверная ручка задрожала.

— Салли, — прошамкали её имя.

Это был голос дедушки Роберта. Салли на миг замерла.

— Салли, выходи. Нам нужно поговорить.

Сильный порыв ветра ударил ей в лицо и грудь. Салли задрожала от холода, удивившись, как быстро снаружи упала температура — и это в конце августа! — но, стиснув челюсти, не стала больше медлить. Гонимая своим страхом и ре-

шимостью спастись, сама не зная, от чего, она вылезла из окна и ухватилась пальцами за откос. В тот момент она пожалела, что не взяла ни верёвки, ни хотя бы простыни, но было уже слишком поздно. Подтянуться на руках она бы не смогла, а рядом была водосточная труба и целая стена выюна. Салли изготовилась и напоследок поглядела на дверь: та громыхла так, словно её пытались выбить. Зажмурившись и досчитав до трёх, Салли Хэрроу сгруппировалась, напрягла всё тело и бросилась на выюн, вцепившись в него пальцами и повиснув на крепких стеблях, которые оплетали деревянную решётку.

Но позади неё, в порывах хлёсткого ветра, больше похожего на ураган, послышался шёпот множества голосов. Кое-как схватившись за решётку и прижавшись к стене всем телом, не зная, как сползти вниз, и не желая вернуться к себе в комнату, Салли робко поглядела на поле и оцепенела. Цветки подсолнухов медленно оборачивались к ней, обнажая вместо чёрных семян множество глаз со зрачками, вращавшимися в глазницах. Лепестки шевелились, будто пальцы на руках; стебли колыхались, но не от ветра, а совсем в другую сторону. Подобно волне накатывая к краю поля, они тянулись к дому Хэрроу, и среди них, совершенно не скрываясь, стояла высокая, тёмная фигура в рваном плаще, с лицом, покрытым холстиной, и горящими глазами-точками — белыми и мёртвыми, как у людей с фотокарточек постмортем.

И когда он протянул к Салли руки, она ощутила странное головокружение. А затем разжала пальцы, будто вопреки своей воле, и слетела со стены, не издав ни единого вскрика.

Глава седьмая. На языке цалаги

Из чероки на этой земле остались только те , кто работал на белых . Остальные жили в резервации .

Стоял тысяча девятьсот семнадцатый год , июнь месяц . Американские войска только шестого апреля вступили в Первую Мировую войну , до того удерживая нейтралитет. Тогда президент Вудро Вильсон , которого впоследствии прозвали Миротворцем за его талант погашать , а не раздувать конфликты в театрах военных действий — хотя вряд ли такое скажешь про человека , принявшего участие в крупнейшей войне того времени — неохотно согласился поддержать Великобританию и ряд дружественных стран в борьбе против Германии . В тот год все мужчины от двадцати одного до тридцати одного года , крепкие телом и способные держать оружие в руках , были призваны .

Среди одного миллиона человек , ушедших на фронт, не было Нила Блэкмора . Прошлой зимой ему стукнуло тридцать пять , он трудился на ферме Миллеров с юношества и сильно хромал , потому что больше чем с десятков лет назад , когда на этой земле царили другие законы , конь здешнего богатея наскоком оттоптал ему ногу и сломал ступню . Нила , конечно, свезли в больницу , но он был индеец , и, верно, что - то там сделали неправильно , потому что ступня срослась худо , и Нил с тех пор хромал .

Ходил он вразвалочку , вальяжно , неторопливо , но везде попевал . По лесу и в поле он передвигался бесшумно . Сколько ни пытались фермерские сыновья с друзьями овладеть этим удивительным навыком , но они не могли взять в толк , как хромой Нил крадётся совсем по - звериному , неслышно . Может , у него есть какое - то колдовское знание ? Нил усмехался и показывал , что надо делать , но парни всё равно не могли взять в толк его науку . Мать только сердилась:

— Что вы удумали , тягаться с дикарём! Нил — красивый , у него это в крови , а вы ? Бога ради , Ник , пожалуйста , не споткнись и не воображай себя индейцем . Поди лучше к отцу и помоги ему в сарае .

Нил был не единственным помощником по хозяйству , но для Миллеров оказался человеком в своём роде незаменимым. Вопреки всем ожиданиям , он был улыбчив и услужлив , и совсем не походил на тех хмурых , гордых индейцев , которых ребята Миллеров частенько видели по дороге домой . Когда индейцы попадались детишкам на пути — идущие в свою резервацию пешком с наёмной работы — то мерили тех долгими , хладнокровными взглядами . Но Нил был не таков. В его глазах всегда горел тёмный , диковатый огонёк. Он любил резать по дереву и рассказывал много историй . Посеянный его руками подсолнечник рос высоким и крепким. Нил верил в Унетланви Великий Дух чероки и говорил , что Он есть всё сущее , телесное и бестелесное , разом , — но в церковь хо-

дил, как того требовали от каждого краснокожего в Теннесси. Тогда Нил надевал свою широкополую коричневую шляпу и костюм, в котором выглядел унылым безработным адвокатом, забирал чёрные волосы, в низкий узел вместо косы, спускавшейся между лопаток, и вместе со всеми послушно читал молитвы, пел псалмы и отмечал все католические праздники.

— Разве ты не веришь в Великого Духа , Нил ? — подначивали мальчишки , Ник и Фредди , а также Чак Мейсон , их дружок с соседней фермы , и ещё несколько ребятшек с других мест .

Нил кротко улыбался и жсал широкими плечами .

— Все мы верим в одно и то же , только каждый называет это по - разному , — отвечал он .

У Нила была тёмная , коричневая , как земля в поле, загорелая кожа , и белые зубы с чуть выдающимися вперёд верхними и нижними клыками , отчего улыбка его казалась чуточку нечеловеческой и самую малость хищной , так что бабушка всегда щурилась и говорила ему — «Не скалься , отродье» .

Нил на это только хохотал .

В его маленьких, узких чёрных глазах жило по дьяволу , как с гордостью говаривал отец мальчишек - Миллеров . Он относился к Нилу с любовью хозяина , который завёл себе хорошую собаку , хотя понимал, конечно, что было уже не то время , чтоб к индейцам так относиться — теперь

их просто ненавидели . У других на фермах не было такого помощника , как Нил . Даже за деньги не было . Чёрные работали вполсилы , с ленью , и всё больше тянулись на свободу . Других индейцев сюда было не заманить . Тоже, черти, больно свободолюбивые . А Нил ковырялся с землёй , собирал подсолнечник , ухаживал за лошадьми и коровами , чинил по дому и в сарае , неплохо водил машину и был послушен , и правда , как пёс . Глава семейства нашёл его мальчишкой на дороге , когда Нилу было только семнадцать и он жестоко болел пневмонией . Нил не говорил , откуда сбежал и как оказался в таком плачевном состоянии . Но после того , как Миллеры его приютили и выходили , стал работать на них — за еду и кров . Денег ему не платили . Он их никогда и не просил . Так повелось , что Нил Блэкмор стал жить здесь , в Теннесси , на ферме , и знал эти земли , как никто другой .

Ведь они принадлежали его народу .

Лето в тот год было жарким , знойным . Подсолнухи быстро вымахали в росте , выпрямили тяжёлые головы , налились чёрными семенами . Нил много работал в поле и во дворе , и был так занят , что порой забывал поесть — да есть и не хотелось на такой -то жаре . Отдыхая в сени дерева в жаркий полдень , он курил , добродушно попыхивая дымом . Джемма , дочка хозяина , обносила всех едой , и он ел , что дадут , а если не хотел есть , молча закапывал то , что принесли , под деревьями . Когда зной ста-

новился невыносимым , Нил доставал флейту и играл на ней . Он казался безразличным ко всему , но на самом деле был хитёр и хорошо видел , что белокурая Эбигейл Мейсон , средняя соседская дочка , зачастила к Миллерам на ферму и , красиво устроившись с подружкой , Джеммой , на лужайке в тени высоких сахарных клёнов , всё смотрела на него . Девушкам уже подошло двадцатилетие, им хотелось и прихорашиваться, и любезничать.

Нил всё чаще останавливал прямой , далеко не робкий взгляд не на ней , а на её старшей сестре , Морган. Они с Эбби были неразлучны , в возрасте разница между ними составляла год или два. Она была девушкой строгой и прямой , хотела на другой год уехать в Нашвилл и учиться на акушерку . Она не хохотала с другими девушками по углам , и не обменивалась сплетнями, и не делилась секретами. У неё не было кавалера , хотя она любила ходить на танцы . Рыжая и вся усыпанная веснушками , она была словно исцелована солнцем . Она так хорошо знала , что будет делать по жизни — но стоило однажды приехать к Миллерам и разок услышать , как ловко играет на флейте-пимак хромой Нил , как её прекрасное будущее стало зыбким и неясным .

Пимак индейцы звали флейтой любви. Флейт таких было много, все — разных тональностей, и звучали тоже по-разному: одна — хрипло и чутко, другая — нежно и ласково. Флейту Нила, его *wííkížo* свистелка (небрежное название са-

мих индейцев), вырезанную из кедра, звали Совой: она и кликала по-совиному низко, мелодично. В каждом звуке была глубина и вибрирующая дрожь. Флейта играла всегда тихо, но Морган слышала бы её откуда угодно, даже если была далеко от Нила. Влюбившись в его игру, полюбила она и его, но ответа не получила.

Как всякое юное, любящее создание, она незаметно для себя сделалась несчастна и ревнива, и в ревности своей замечала, что девчушки с округи, её соседки, любили слушать пимак, если оказывались у Миллеров. Юноши обращали на него внимания не больше, чем на пастушью дудку: ну, есть и есть. Но, видимо, не зря пимак был флейтой любовной. Он что-то пробуждал в женском взгляде, заставлял дышать глубже, идти ровнее, чувствовать сильнее.

Дни текли за днями, месяц сменялся месяцем. Миллеры и Мейсоны были дружными соседями и жили счастливо и хорошо, и в каждом их дне был покой, пока средний сын Миллеров, Френк, как-то раз не пропал.

Салли с трудом открыла глаза. У неё страшно ломило все кости. Она попробовала вспомнить, что с ней случилось, но последним могла назвать только падение со стены. Понимание, что произошло до и что случилось после, пришло почти сразу. Салли, поднявшись на локтях, проморгалась и обнаружила себя в кровати, в собственной комнате. По счастью,

она была одна.

«Что такое я видела» — содрогнулась она и встревоженно посмотрела в окно, но поле за ним оказалось самым обычным. Разве что на него спустились сумерки, густо покрыв землю, и цветки уже опустили тяжёлые головы, покачиваясь на ослабшем ветру на тугих, мясистых стеблях.

Пугала тоже нигде не было.

Но не могло же ей это пригрезиться? Она потёрла глаза кулаками и встала с кровати. Тогда же Салли ощутила давление на череп и коснулась головы, нащупав чуть выше лба повязку.

Значит, она и правда упала со стены, с высоты второго этажа. Как только руки и ноги себе не переломала?

Салли прошлась по комнате и тихонько приблизилась к двери. Вслушавшись в тишину в коридоре, она нерешительно провернула круглую ручку, подумав, что за дверью никого нет, а затем подскочила от испуга, когда на пороге оказалась бабушка Мередит.

— Слава Богу, дорогая, — произнесла та, улыбаясь. — Ты очнулась!

Салли сжала плечи и тяжело сглотнула. Она вспомнила всё, что было в той комнате и от чего пыталась убежать. Не зная, что сказать, она отступила назад, к кровати. Бабушка выглядела как обычно; внешне в ней не было ничего, внушающего страх. Но память-то не обманешь: Салли хорошо знала, что произошло.

И не то чтобы она теперь доверяла бабушке и дедушке .
— Что случилось? — наконец, спросила она.

А спросив, быстро оценила обстановку. Дверь была открыта, и она могла бы, например, оттолкнуть Мередит с дороги и броситься прочь, если та что-нибудь учудит. Правда, одна мысль об этом приводила Салли в замешательство: только вчера всё было в порядке, а теперь...

— Ты была так перепугана, — покачала та головой. Тёмная седина блистала в прядях, аккуратно убранных в узел. — Бросилась вон, словно с ума сошла, и зачем-то сиганула из окна. Детка, это всё ураган. Многие люди от него сходят с ума. Магнитные бури и всё такое.

Салли сглотнула и твёрдо сказала:

— Я помню, что было в спальне, ба. И про Дженнис, и про мёртвых людей на карточках, и про прикосновение со спины. И ты ещё хотела рассказать мне историю. Говорила всякие странности.

— Вот незадача, — сухо улыбнулась бабушка Мередит и, задумавшись, помолчала. — А может, ты вспомнишь, что пила чай с травами?

— Это были простые травы и обычный чай, — возразила Салли. — Не пытайся сказать, что ты меня чем-то опоила.

— Жаль, — заключила та и опустила взгляд. — Могла бы на это купиться.

Между ними повисло молчание, но для Мередит оно, верно, не было неловким. О неловкости Салли тоже не думала.

Её охватил страх, а потом — непонимание, *что же, чёрт возьми, такое здесь происходит.*

— Но ведь ты по-прежнему моя бабушка, — неуверенно заключила она.

Мерedit только улыбнулась. Сумеречные синие тучи бросали густые тени на её застывшее лицо.

— Конечно, а ты как думала? Ты знаешь меня с детства, милая. Я всегда была и буду твоей бабушкой.

— И ты не притворяешься ею? Может, ты просто приняла... или приняло... её облик?

Мерedit улыбнулась, качая головой.

— Клянусь Господом, нет. Если ты думаешь, что я на самом деле мертва, или поклоняюсь дьяволу, или, как в сказке про Красную Шапочку, только обернулась твоей бабушкой, то, наверное, ты точно не в себе. Даже я тебе это скажу.

— Я так не думаю, — возразила Салли. — Но то, что я увидела, не поддаётся никакому объяснению.

— Так может, ты это себе выдумала? Или выпала из окна, залюбовавшись на грозу, и тебе всё привиделось? — мило улыбнулась Мерedit, сложив на животе руки. Салли упрямо помотала перевязанной головой. — Жаль. А в детстве тебя было легче одурачить.

Салли потянулась к телефону, исподлобья поглядела в блёклые старческие глаза и не увидела в них ни отголоска жалости или тепла. Только пытливое, выжидающее выражение, как у затаившейся перед броском змеи.

— Зачем тебе это? — спросила Мередит. — Мы же беседуем, Салли. Это было бы невежливо.

— Я позвоню копам или домой, — заявила Салли. — А может, сразу и туда, и туда. Что ты на это скажешь?

— Многие здесь знают *историю*, милая, — ответила Мередит. — Думаешь, зачем иначе тебя отправили сюда родители?

— Вот в это я не верю, — отрезала Салли. — Я не верю, что они сделали это специально.

— Что ж, твоё право.

— Ты ведь можешь и соврать.

— Могу, конечно, — согласилась Мередит и переступила с ноги на ногу. — Почему бы тебе это не проверить? Я скажу так: наверняка, твои мама и папа даже не возьмут телефона. Я уже звонила им и сообщила, что пока работаю с тобой. Вам незачем разговаривать.

— Тогда вижу только один вариант. Я сбегу отсюда любым способом.

— Сбежишь? Ну-ну. Даже если тебя не остановит Он Сам или мы, это сделает полиция или кто-нибудь из местных. Как думаешь, они могут рассказать тебе *историю*? Вполне. Легавые закроют тебя в камере с решёткой и нашепчут на ушко то, что должна нашептать я. Если хочешь проверить и это, пожалуйста, — и она отступила в сторону, простерев руку в к двери, — я не буду останавливать. Но, если ты живёшь здесь и не знаешь *истории*, тогда тебя ждут большие непри-

ятности.

— Неприятности какого рода?

Бабушка Мередит неприятно улыбнулась, обнажив зубы.

— Узнаешь. До Пляски Солнца осталось всего ничего. Там будет видно.

А потом, пятась и не спуская с Салли глаз, вышла за дверь.

Салли звонила домой столько, что сбилась со счёта. Телефоны родителей взаправду не отвечали, и она позвонила в девять-один-один, но ей вежливо сказали подождать. А потом холодный, вежливый женский голос в трубке поинтересовался: рассказали ли тебе историю, Салли Хэрроу?

Салли отключилась.

Просидев у себя в комнате до темноты, она решилась выглянуть наружу, тем более, была уже ночь, и часы показывали почти что двенадцать. Она даже не помышляла о том, чтобы спуститься на кухню за едой: голод и жажду можно было перетерпеть. Она вышла затем, чтобы разведать обстановку и в случае чего дать дёру из дома. Если *бабушка* права, она должна быть очень осторожна. Лучше не попадаться никому на глаза. А убраться отсюда можно и пешком, особенно если скрыться в лесу. Но Салли посмотрела в окно на поле и съёжилась. То, что пугало оживало по ночам, она уже прекрасно знала и ничему не удивлялась.

«Допустим, это правда, — сказала она себе. — Тогда бесполезно сомневаться в этом, потому что иначе можно уго-

дить в беду. О том, что именно здесь происходит и как это возможно, я подумаю, когда сбегу». Так она поняла, что человек может привыкнуть и принять, как данность, всё, что угодно. Даже то, что раньше казалось нереальным и невозможным.

Салли прошла по тёмному коридору до самой лестницы и поглядела вниз. Ей показалось, что на стенах пляшут блики горячего пламени — будто в гостиной кто-то развёл живой костёр. Салли даже почувствовала дуновение жаркого воздуха у себя на лице и притаилась за лестничными перилами, присев на ступеньках. Уже там она хорошо слышала голоса бабушки и дедушки, раздававшиеся внизу:

— Как ты думаешь, она услышала хотя бы какую-то часть? — это был дедушка.

— Думаю, что нет, — а это бабушка. — Она была совершенно без сознания, и я не знаю, что же там случилось, когда она упала со стены. И главное, ни одного ушиба, ни одного перелома.

— Он к ней благосклонен, — проскрипел дедушка. Его голос ночью был странно не похож на его же голос днём. Он был будто бы просыпан песком. — Мне это не то чтобы нравится.

— Мне тоже. Они говорили, он кровью вороны написал у нас на пороге айо-ху-хис-ди. Что это значит?

— Это язык тсалаги. Почём мне знать. Но знак недобрый.

— Очень недобрый. Нам надо с ним разобраться. Из-за

девчонки он бродит теперь не только в поле, и это пора остановить.

Оба помолчали.

— Мы обязаны сделать так, чтобы она стала *одной из нас*.

Салли пробрала дрожь. Сжав плечи, она обдумала последние слова. «Одной из нас» — что они означают? Одной из нас — это кем же? Вдруг Мередит резко сказала:

— Тихо. Дженнис говорит, что кто-то подслушивает нас там, на лестнице.

Роберт помолчал. Затем неуверенно прошамкал:

— Думаешь, это она?

— Думаешь, думаешь, думаешь, — бабушка вздохнула.

— Я ничего не думаю: я слушаю голоса мёртвых. Вряд ли это она. Ах, жалко, что Дженнис слепа: но это не страшно, у покойников тонкий слух.

Салли тут же встала и, запнувшись на ступеньке, быстро, но тихо поднялась обратно в тёмный коридор. Ей начало казаться, что каждая запертая дверь прятала за собой *кого-то* неживого и жуткого, и Салли неуверенно замерла наверху площадки. Единственное, чего она боялась так же сильно — что бабушка и дедушка поднимутся к ней.

Вдруг она услышала тихий вздох прямо себе в ухо, и чья-то ледяная рука обхватила её за плечо, а другая легла ей на губы. От руки пахло прелым сеном, жирной чёрной землёй, краской, дёгтем, соломой и металлом.

— *Не бойся*, — вздохнули опять, но только откуда-то

сверху и с другой стороны. — *И не кричи, иначе их разбу-
дишь.*

Салли хотела поглядеть себе за спину, чувствуя лопатка-
ми прикосновение к чему-то *несопоставимо более большо-*
му, чем она сама, и в то же время предпочла бы остаться в
неведении. Справившись с дрожью от испуга, она покорно
сделала первый шаг и пробормотала в чужую руку:

— Кого?

— *Усопших, разумеется,* — отвечал голос, и кто-то повёл
её вперёд. — *Иди и не оглядывайся.*

Салли было нечего делать. Она себя чувствовала, как в
капкане. Кругом враги: кому доверять? Поднимет шум — и
прибегут её родственники, которым больше она верить тоже
не могла. А тот, кто был позади, пока не делал ей ничего
плохого. Салли опустила глаза вниз и едва различила, что
руки у него были покрыты перчатками, а цвета она разобрать
в кромешной тьме не могла.

Она прошла одну дверь, и рука на её плече окрепла. За
дверью что-то заскреблось, зашуршало.

— *Дальше, дальше,* — выдохнул голос, и Салли почуди-
лось, что его обладатель пошёл быстрее, а значит, быстрее
пошла и она. — *Не слушай, что они тебе говорят. Это опас-*
но.

— Откуда мне знать, что *ты* не опасен? — хотя голос был
тих и бесцветен, она чувствовала, что он принадлежал муж-
чине.

— *Ниоткуда*, — моментально ответил он, и теперь Салли казалось, что голос звучал откуда-то сбоку, из темноты. — *Но ты же не хочешь, чтобы они нагрянули к тебе в комнату прямо сейчас?*

— Нет.

— *А они нагрянут. Но мы их обхитрим.*

Вдруг из-под одной двери скользнула тень, и что-то схватило Салли за ногу. Она коротко пискнула.

— *Пни её ногой!*

Салли что есть сил пнула и увидела, что это была тонкая чёрная лента, попытавшаяся обвить её лодыжку. Тот, кто шёл сзади, убрал ладонь с губ и крепко обхватил её талию.

— *Берегись.*

Другая дверь, слева, резко открылась, и полотно хлопнуло о стену. Салли бросила беглый взгляд в проём, и на затылке её зашевелились волосы. Там стоял целый сонм мертвецов, бледных, покрытых вуалью и саванами, в траурных одеждах, видневшихся в прорехи. Глаза их горели белыми тусклыми точками. Салли вжалась спиной в грудь того, кто был позади, но не слышала его сердцебиения. Однако было не до того: отворилась дверь справа, и там было столько же усопших.

— Что происходит?!

— *Они нас нашли, потому что ты не послушала старую калошу Мередит. Держись!*

И её ступни оторвались от пола. Салли вскрикнула, тут же

от испуга зажав себе рот рукой. Кто-то подхватил её на руки и стремглав помчался по коридору, так быстро, что стены по обе стороны превратились в размытые пятна. *Коридор же был гораздо короче*, лихорадочно подумала Салли, *и откуда здесь столько дверей?* А они всё открывались, и за ними стояли мертвецы. Они не тянули руки и не произносили ни звука, но Салли обмирала от ужаса. У неё заполошно билось сердце. Казалось, вот-вот оно выпрыгнет из горла. Она вжалась лбом в плечо того, кто нёс её. Во тьме его лица не было видно, но Салли почему-то чувствовала — он не сделает ей ничего дурного.

Двери открывались всё быстрее и быстрее, обгоняя незнакомца, но и тот был стремителен, и Салли, боясь, что он выронит её, крепко обняла его за плечо и шею, ощутив на пальцах грубую, колючую ткань. А затем он всё же вырвался вперёд, оставив двери за спиной, и Салли увидела где-то в разомкнувшейся тьме узкую полосу света из-под двери. Тогда-то она и поняла: это была дверь её собственной комнаты.

Незнакомец простёр руку и повёл ею. Салли только теснее прижалась к нему, не желая упасть, но он легко держал её и одной рукой. По велению его воли, дверь с тихим скрипом приотворилась, и незнакомец влетел в неё. Тогда-то Салли и увидела, что сонм мертвецов всё это время бесшумно преследовал их, надвигаясь из темноты плотной стеной, хотя казалось, что они даже не двигались.

— Быстрее! — взмолилась она. — Они нас догоняют!

— *Не догонят,* — шепнул голос.

Дверь с грохотом захлопнулась, Салли услышала щелчок проворачиваемого замка. Стоило им ступить на порог, как свет моргнул и погас, окно распахнулось настежь, громыхнув обеими створками, и незнакомец бесстрашно прыгнул в ночь.

Глава восьмая. То, что случилось в полночь

Стояла беспокойная ночь, и ветер, пускай утихший — уже не та буря, что крушила деревья в щепы — шевелил цветы подсолнухов, закрытые до самого рассвета. Поле было, что море, от одного края земли до конца другого, в сизой, холодной мгле. Крепко зажмурившись, Салли ощутила дуновение воздуха прямо себе в лицо и почувствовала по толчку и затем удару, сотрясшему её тело: тот, кто держал её на руках, спрыгнул на землю. Зашуршали высокие стебли, под ботинками захрупала земля.

Потом всё замерло и стихло. Он остановился.

Салли, дрожа, боялась открыть глаза. Она не хотела ни секунды думать о том, что увидит. Ей казалось: если это случится, от страха у неё не выдержит и остановится сердце. Когда голос над ней заговорил, Салли закрыла лицо ладонями. Она помолилась бы, вот только не помнила ни одной молитвы.

— Они стоят вон там, в окне, и смотрят на нас. Но, конечно, не видят. Только слышат. Не бойся. Погляди.

Рук Салли коснулись чужие пальцы, длинные и холодные, шершавые и грубые. По одному лишь прикосновению Салли поняла: *это перчатки. Перчатки из жёсткой ткани.* Её

руки мягко отвели в стороны и опустили себе на плечи, и Салли оцепенела, увидев прямо перед своим лицом пугало.

Живое пугало.

Его лицо было покрыто когда-то бежевой, теперь — грязной и бурой, измочаленной непогодой и временем холстиной. Она так плотно облежала голову, что походила на маску, пошитую из пёстрых, но уже давно потерявших всякий цвет и очень грязных лоскутов. Салли вполне могла бы различить с такого расстояния — меньше двух ладоней между ними — очертания подбородка, выступающие скулы и даже горбатую спинку носа. Темнеющие провалы глазниц были покрыты тенями; сами глаза — намечены двумя грубыми крестами из побуревших от старости ниток. Заштопанный рот давно разохся: кое-где стежки остались, а где-то торчали вместе с соломой прямо из холстины. Салли вздрогнула и подалась всем телом назад, и пугало так живо проследило за её движениями, что стало очевидно: *в отличие от мертвецов с фермы, оно было зрячим.*

Правда, теперь оно молчало.

Салли робко убрала руки с его плеч и прижала их к груди. Отодвинувшись от него как можно дальше, она глядела и не верила, что *оно и впрямь живое*. Пугало резким, ломаным движением склонило вбок голову и посмотрело в ответ прямо на неё.

— Даже если они захотят, не выйдут в поле, — вдруг шепнули над ухом у Салли, и она вздрогнула и пугливо оберну-

лась. Пугало молчало. Из-под его зашитого рта не вырвалось ни звука.

— Кто это сказал? — запнувшись, резко спросила она.

— Я, — вновь шепнули, но с другого бока, и макушки Салли что-то легко коснулось, подобно птичьему перу или дуновению ветра.

А затем Пугалу на плечо опустилась чёрная, как ночь, большая ворона, крепко взявшись когтями за его рубище. Поглядев на Салли маленькими, чёрными глазками, похожими на блестящие пуговицы, ворона приоткрыла крупный, острый клюв, и из него послышался тот самый голос, что звучал и в доме:

— Мне пришлось долго подбираться к тебе, Салли. Но спасибо за костослов. Без него было бы куда сложнее шевелиться вот так быстро, и я не сумел бы прийти вовремя.

— Сложнее? — несмело уточнила она.

Пугало по-прежнему молчало, а из вороньей глотки прошептали:

— Да, да. К тому же, вы не можете просто так увидеть, что я живой, Салли. Потому что для этого нужны особые условия... или достаточно моих сил. Понимаешь?

— Не совсем.

— Хорошо, ладно. Мы разберемся с этим позже. Теперь главное, что мы вместе, ты и я. А они остались в дураках, — Салли показалось, что голос стал довольнее. Потом он замолчал.

Салли оглянулась и посмотрела на окна дома. В тот же миг её пробрала дрожь, и, съёжившись, Салли несмело прижалась к плечу Пугала, покрытому старым, изорванным плащом. Даже в темноте, царившей в комнатах, Салли видела множество чёрных, неподвижных силуэтов, и ей почудилось, что десятки светящихся глаз-точек, пусть они и были слепы, смотрели прямо на неё. В большом окне гостиной пылал огонь. Сперва Салли показалось, что огонь этот охватил всю комнату, но затем она поняла: то были отблески каминного жара в стёклах. Там она заметила тёмные фигуры бабушки и дедушки, а за спинами их стоял кто-то третий, высокий и тонкий, как свеча.

— А, вот и она, — уныло заметил он. — Конечно, куда же без неё, ручная собачка милой Мередит.

— Кто она? — прошептала Салли. — О ком ты говоришь?

— Вон тот силуэт, женщина под чёрной вуалью, — Пугало теснее придвинулось к Салли, и она вздрогнула, ощутив прикосновение его подбородка к своему виску. — Возле Робба и Мэри. Милые детки, начали якшаться с покойниками. Ай, как это нехорошо.

— Это Дженнис? — Салли вспомнила нужное имя и снова отодвинулась подальше.

— Да, она. Иногда, если очень громко звать мёртвых, они возвращаются — ты знала это, Салли?

— Нет.

— Я говорю тебе об этом, чтобы *ты* не звала. Потому что

мертвецов на ферме Мейсонов хватает. Салли... — имя её произнесли почти нежно, и она смолкла.

А затем Пугало направилось прочь от дома, исчезнув в высоких подсолнухах. Сделав несколько шагов, оно отпустило Салли и отступило назад, глядя на неё сверху вниз. Только теперь Салли увидела, что ростом оно было не выше высокого обыкновенного мужчины — не больше шести футов, может быть, около 180 см. На шесте оно казалось тощим и нескладным, набитым соломой, прохудившимся тюфяком; теперь было более плотным, более телесным — и сложением обладало вполне человеческим. Пугало загадочно молчало.

Но теперь Салли, как бы ни было ей страшно, не хотела от него убегать.

— Ты — Мистер Полночь? — спросила она.

Ворона, по-прежнему сидевшая на его плече, ответила всё тем же голосом:

— Люди давали мне разные имена в разное время, и это — одно из них.

— Я должна знать какое-то другое имя?

— Возможно, — уклончиво ответила птица.

Салли задумалась. Затем, сложив на груди руки и зябко поёжившись, спросила:

— Почему со мной говорит ворона?

— Потому что мой рот зашит. Эта птица неразлучна со мной. Она — мои глаза и язык.

— Так ты, как и те люди на ферме, тоже слеп, и без своей

вороны ничего не видишь?

— Я этого не говорил.

Салли неуверенно смолкла. Лунный свет серебрил бурый плащ Пугала, его неловко закрытую холстиной голову и широкие плечи. Сгорбившись и обмякнув, словно кукла, снятая с крестовины, Мистер Полночь тоже молчал. А после, подняв руку, поманил за собой Салли. Каждое движение его было ломаным и резким. Каждое напоминало, что Мистер Полночь — *неживой*.

— Мы не уйдём далеко, — сказала ворона, взлетев с его плеча. — Но, если ты хочешь узнать больше, здесь это делать небезопасно.

— Почему?

Мистер Полночь остановился и взглянул на Салли. Он не проронил больше ни слова.

— У покойников тонкий слух? — догадалась она, вспомнив бабушкины слова. Мистер Полночь кивнул и исчез в высоких подсолнухах.

Идти за ним или нет? Салли не знала точно. Она обернулась на дом, и её спину пробрала холодная дрожь. Они были всё ещё там, безмолвные гости с того света. В каждой комнате, в каждом окне, они, возможно, слышали всё, что она произнесла. С другой же стороны, она только что беседовала с ожившим пугалом! Что может быть страннее?

— Ничего, — вслух пробормотала Салли и шагнула следом за ним. — И, если уж на то пошло, будто у меня есть

выбор.

Тим спал очень беспокойно. Всю прошлую ночь он видел кошмары, от которых проснулся в поту, но этой ночью они стали страшнее.

Этой ночью он чувствовал всё, что с ним делали.

Он наблюдал за тем, как кто-то раскрыл его грудную клетку кривым ножом с деревянной старой рукоятью, чтобы добраться до ещё живого, трепещущего сердца. Сам он словно бы парил над землёй. Внизу расстилалось бескрайнее поле подсолнухов, усеянных множеством глаз вместо чёрных семян. Над ними в зените стояло кроваво-красное солнце, окутанное маревом такого же пламенного неба. Тим не сразу заметил подле себя густую, будто живую, чёрную тень. Он убоился её, как самого страшного зла, но не мог пошевелиться: он был накрепко привязан по рукам и ногам верёвками к кресту, с которого хорошо видел и поле, и небо, и жаркое, страшное, голодное солнце.

А потом, когда чужая, тёмная рука, сломав ему рёбра, коснулась содрогнувшегося в агонии сердца, Тим от боли, сомкнувшей грудь в тиски — такой нехорошей и настоящей — проснулся.

Губы его пересохли, на щеках застыли слёзы.

Стояла глубокая ночь. Ветер стих. В доме всё было, кажется, спокойно, как всегда. Но Тим, уняв бешеное сердцебиение и вслушавшись в безмолвие комнаты, понял: что-то

не так. Он поднялся на локтях и остолбенел. В глаза бросилось распахнутое настежь окно, возле которого от ветра легонько шевелились прозрачные, тонкие шторы. Те, что поплотнее, кто-то раздвинул, хотя не было с недавних пор такой ночи, когда Тим не смыкал бы их так плотно, что в щель между двумя отрезами ткани нельзя было даже подсмотреть.

Тима пробрал ледяной пот. Каждое чувство обострилось до предела. Он перевёл взгляд вбок и обмер: там, в темноте и абсолютной тишине, стояла низенькая, кривая фигура в белом.

Сколько *это* было здесь? Оно наблюдало за тем, как Тим спит? Потянулись долгие секунды. Тим не смог бы даже пошевелиться: от давящего страха его тело перестало подчиняться.

— Доброй ночи, мой дорогой, — сказала *нечто* голосом покойной бабушки Эммелины. — Не бойся. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Тим не мог не бояться: чем дольше он вглядывался в темноту, тем легче узнавал похоронный светлый костюм, в котором бабушку Эм клали в гроб, а в её сухом голосе першило землёй. Тогда-то Тим ощутил затхлый, густой запах сгнившего дерева, увядших цветов и почвы, просыпанной песком. В воздухе тяжело осела сырость.

Тим сделал глубокий, рваный вдох, но почти совсем перестал дышать, когда бабушка Эм поплыла ему навстречу.

Казалось, она совсем не касалась пола — так гладко и

плавно скользила из угла комнаты. Тим ждал неизбежного, хотя в висках стучал приказ бежать, бежать как можно дальше отсюда. Если бы только он мог владеть собой! Он затравленно наблюдал за силуэтом, который обретал более ясные очертания. Когда бабушка Эм попала в полосу слабого лунного света из окна, у Тима на голове зашевелились от страха волосы. Лицо её было жутко искривлено, рот — уродливо открыт, на половине черепа не хватало волос, а на другой они были что седая, грязная пакля. Её глазницы были черны, и где-то там, в их тёмной глубине, тускло горели две белые точки, похожие на блики в зрачках хищного зверя. Скрюченные, старческие руки бабушка Эм прижала к груди, как в гробу, крестом. Костюм её разошёлся. Из истлевшего жакета наружу торчали голые рёбра, и Тим некстати вспомнил свой сон.

Его волосы отдавали ржавчиной в ночном сизом свете. Глаза казались аквамариновыми. Бледный и скованный ужасом, он почти не дышал, когда бабушка Эм остановилась у его кровати и, повиснув в воздухе, подалась вперёд. Затем прильнула к его уху сухими, потрескавшимися губами. От неё пахло могилой, но она принялась шептать оцепеневшему Тиму то, что знала, и то, что могут услышать только покойники. Каждое слово падало в его сердце камнем. Глаза заволокло белёсой пеленой, и Тим слабо приоткрыл рот, издав тихий скрип.

И там, в своей комнате, залитой светом мёртвой луны, он

слушал и запоминал маленький секрет Салли Хэрроу с фермы Мейсонов, которая этой ночью не спала дома.

Идти было неблизко, но она не останавливалась.

Всякий раз, как Салли казалось, что она вот-вот заблудится в поле, она замечала край плаща пугала или его лицо, мелькавшее в подсолнухах. Кто бы сказал хоть днём раньше, что она посреди ночи пойдёт в поле за живым пугалом, которого до смерти боялась с детства — посмеялась бы! Может быть, даже истерично.

Но теперь, не зная, кому можно доверять, а кому нет, Салли прислушалась к чутью. Единственное, что оно подсказывало — дома оставаться опасно, в то время как странное пугало помогло ей сбежать и спастись. В любом случае, деваться некуда: Мистер Полночь легко нагнал бы её, уж в этом Салли не сомневалась.

Выход был один: разобраться, что происходит, прежде, чем покинуть ферму. Ещё кое-что не давало покоя Салли, почему же родители не отвечали на её звонки? Неужели Мередит не солгала, когда сказала, что и они замешаны в случившемся?

Тем временем, пугало настойчиво вело Салли к краю поля ов, к самой границе с фермой Миллеров. Ветер трепал его плащ и шевелил подсолнухи, и Салли, глядя на его затылок, обмотанный холстиной, подумала, что надо бы вернуть ему шляпу. Вдруг пугало свернуло вбок, к северо-западу, в сто-

рону Нашвилля.

— Куда мы идём? — осмелилась спросить Салли, дрожа от холода и испуга.

Ночи здесь обычно были свежими, никак не холодными — но только не сегодня. Казалось, что лето ушло вместе с тем, как на небе показалась Луна, и в воздухе запахло сырой осенью.

Мистер Полночь остановился в нескольких шагах от неё и подставил предплечье вороне, опустившейся на него и вогнавшей когти глубоко в холстину и солому:

— Считай, уже пришли. Видишь вон тот большой дуб?

— Да.

Он высился на фоне беззвёздного неба громадой с раскидистой кроной.

— Там нас никто не услышит.

Салли осмотрелась. Ферма Мейсонов осталась далеко на западе. Ферма Миллеров была ближе, на северо-востоке. Дерево, к которому её вёл Мистер Полночь, росло на пограничной территории. Салли остановилась: теперь она не была уверена в том, что ей действительно стоило туда идти. Мистер Полночь словно почуял это. Повернувшись к ней, он по-прежнему жутко и резко, как сломанная кукла, уронил голову вбок, будто не мог долго держать её прямо.

А может , и впрямь не мог ?

— Что такое, Салли? — услышала она его голос из вороньего клюва. — Ты передумала?

— Нет. Но откуда мне знать, что ты не хочешь сделать мне ничего дурного? — осмелилась сказать Салли.

Мистер Полночь покачал головой, и в ночи послышался его сухой, но добродушный смешок. Затем ворона тяжело слетела с руки, и Салли услышала его голос уже над своей головой.

— Пожелай я расправиться с тобой, — едва не нежно сказал он, — и ты была бы уже мертва. Я хотел помочь тебе. И понадеялся, что ты самую малость поможешь мне.

— Я не связываюсь с ожившими полевыми страшилами и не делаю им одолжений.

— Разве что в порядке исключения? — Пугало сделало к ней шаг. Салли попятилась. — Подумай, Салли.

Мистер Полночь обошёл её кругом, едва заметно коснувшись рыжих волос и пропустив прядь между пальцев. Салли обернулась к нему, отпрянув в сторону. Она не желала, чтобы он лишний раз трогал её.

— Я обещаю, что не дам тебя в обиду, и никто на этой земле или на какой другой не сделает тебя *одной из них*, пока я цел и невредим.

— А что взамен?

Мистер Полночь замолчал и с джентльменским поклоном указал рукой на дуб, пропуская Салли перед собой. Теперь выбор был только за ней.

— Я уже сказала, что у меня нет выхода, — тихо произнесла она и прошла мимо Мистера Полночи.

Вместе они ступили под густую сень могучего, старого дерева. Салли подняла глаза на его узловатые ветви и посмотрела на далёкий купол ночного неба над головой. Здесь, покрытые тёмной кроной с резными листьями, они с Мистером Полночью казались скрытыми от целого мира.

В тень влетела ворона и, хрипло каркнув, умостила на ветке пониже. Мистер Полночь подошёл к мощному стволу, опустив ладонь на дубовую кору.

— Это мой старый друг, — шепнул его голос из вороньего клюва, — мой добрый помощник. Сколько лет я наблюдал за тем, как он растёт и крепнет, а когда хозяин здешних мест хотел срубить его, не дал этого сделать. Этот дуб многое видел и многое помнит.

Мистер Полночь опустился на корточки, сделав ямку в земле. Затем, углубив её, вздохнул и покачал головой.

— Когда-то здесь я зарыл то, что у меня пытались отобрать другие. Я спрятал это, но уберечь не смог.

Он печально повесил голову на грудь, и Салли подумала, что теперь он стал совсем неживым, похожим на набитое соломой чучело ещё больше, чем когда висел на кресте.

— Мистер Полночь, — осмелилась позвать она и подошла ближе, опустившись рядом с ним. От дубовых корней и земли веяло холодом и пахло жирной почвой. — Я не понимаю, что происходит. Всё стало с ног на голову. Дома больше не безопасно...

— Там никогда не было безопасно, — сказали над её голо-

вой, с ветки, из вороньей глотки. — Просто ты думала иначе.
— Что им нужно от меня?

Мистер Полночь поднял голову, и Салли почудилось, что там, под холстиной, под крестами из ниток, он *действительно* смотрел ей в глаза.

— Твоя душа, — обронил он, протянув ладонь и положив её на грудь Салли, там, где замерло от испуга маленькое человеческое сердце. — И твоё тело.

Салли стиснула пальцами собственные колени, так, что фаланги побелели. Затем, справившись с собой, продолжила, хотя голос её дрожал:

— А те, кто стали одними из них...

— Давно мертвы и не могут покинуть это место, — сказал Мистер Полночь и опустил руку. — Я им не нравлюсь, потому что не хочу, чтобы ты, младшая из семьи Мейсонов, присоединилась к ним. Я не хочу, чтобы ты стала последней на исходе солнцестояния, кто услышит мою историю.

— Какой тебе в этом прок?

— Очень большой, Салли. Если это случится, они смогут выйти из своих домов. Тогда меня не станет. Но и ты будешь совсем другой, — Салли показалось, его голос стал теплее.
— Я помню тебя совсем ребёнком.

— Я тоже помню тебя, — с вызовом сказала она. — Прятки в доме. Бабушкина комната. Ты напугал меня до смерти!

— Я Пугало! — развёл руками Мистер Полночь. — А ты была там, в её спальне, одна, с мертвецами. Я волновался за

тебя.

— Разве нельзя было просто прогнать меня оттуда?

— А разве я не сделал тогда именно это? — и Мистер Полночь тихо рассмеялся.

Это было очень странно: плечи его подрагивали, а смех раздавался сверху, из-под тёмной листвы. Салли насупилась.

— Хорошо, пусть будет так. Но почему я должна тебе поверить?

— Потому что мне нужна твоя помощь, а тебе — моя. Ты хочешь вернуться домой, я знаю, — Мистер Полночь положил пальцы на её запястье. Салли обожгла его резким, недоверчивым взглядом. — Но пока этого нельзя делать. Даже если случится невероятное и тебе дадут уйти, твои родители — *не совсем в себе*, Салли Хэрроу. И ты никуда не денешься от истории.

— Что это за история такая?!

— Я не могу рассказать её, — мягко сказал Мистер Полночь. — Такие правила, Салли. Но, поверь, ни одна история в мире не стоит того, чтобы лишиться своей души. А теперь тихо, — он выпрямился. — К нам кто-то идёт. Я слышу по шагам, это мальчишка Миллеров.

— Тим? — Салли обрадовалась. — Боже, он сможет мне помочь?

— Не спеши, — неохотно шепнул Мистер Полночь. — Не нужно так легко верить никому, даже своим друзьям. Я знаю, что вы сблизились с ним.

— Он сможет рассказать мне историю?

— Её рассказывают те, кому положено это делать: мертвецы, обречённые на смерть и старики, — сказал Мистер Полночь. — Но он может сделать много других опасных вещей. Я должен уйти, пока он меня не увидел.

— А что делать мне?

Пугало встало, протянув руку Салли. И она, вложив в его ладонь свою, поднялась следом.

— Продержись эту ночь у Миллеров и возвращайся домой. Держи ухо остро и не говори им обо мне. Делай вид, что всё, как обычно, хорошо и покойно.

— Но они и так знают...

— Да. И будут на чеку. Но и ты будешь.

Он сунул руку за пазуху и достал оттуда, из своего тела, небольшую, почернелую от времени булавку.

— Носи на одежде ближе к коже, спрячь её под изнанку, — посоветовал он. — Это поможет. Как придёт новая ночь, беги ко мне в поле, к крестовине, и я расскажу то, что поможет нам обоим. И запомни, я могу ожить только ненадолго в полдень. Ненадолго в полночь. Я пока слишком слаб. Но чем ближе тот самый день, тем сильнее становлюсь.

Салли заколебалась, но Мистер Полночь настойчиво вручил булавку и сжал её руку в своём большом кулаке.

— Береги себя днём, Салли, — сказал он. — А я сберегу тебя ночью. Обернись.

Салли вздрогнула и посмотрела себе за плечо, но никого

там не увидела. А когда повернулась к пугалу, его уже нигде не было. Она стояла совершенно одна под дубом, сжимая в руке старую булавку. Только ворона, каркнув, улетела в поле, исчезнув в темноте, и со стороны фермы Миллеров слышались торопливые шаги.

Тогда Салли увидела бледного, взволнованного Тима с фонарём в руке.

— Господи, Салли! — воскликнул Тим и бросился к ней.
— Ну ты нас и напугала!

Глава девятая. Всегда читайте написанное мелким шрифтом

— Заходи, — предложил Тим и задумчиво оглядел Салли с головы до ног. — Как-то ты легко для ночной прогулки оделась. Не замёрзла?

— Есть немного. Просто решила недалеко от дома пройтись, но заплутала в поле.

— Ночью это неудивительно. Что ты вообще там забыла?

— Да так... — Салли растёрла плечи. На ней были только футболка и джинсы, и больше ничего. — А где Тамара? И родители?

— Тэм спит. А они — тут, в гостиной, — спокойно сказал Тим. — Звонят твоим бабушке и дедушке. Те очень волновались!

— Я понимаю.

— Неужели неясно, что гулять в одиночку ночью — так себе идея? Чем ты думала? — Тим покачал головой и повесил ключи на специальный крючок. — Странная ты, городская девчонка. Пойдём, налью тебе чаю.

Они прошли на кухню, Тим включил свет над большим духовым шкафом. Салли вслушалась в тишину, и та неприятно показалась ей мёртвой — по сравнению с живой, трещащей тишиной ночного поля.

Затем задалась вопросом, почему вообще в доме, где не спит почти вся семья, так тихо? Или боятся разбудить Тамару?

Тим хлопотал у плиты, наливая в чайник воду и открывая шкафчики в поисках свежей заварки. Салли, быстро оглядев уютную, симпатичную кухню Миллеров, подошла к нему и коснулась плеча:

— Тим, я на минутку отлучусь в туалет?

— Конечно, Салли, — беспечно ответил он. — В темноте не заблудишься?

— Нет-нет.

— Хорошо.

Она вышла из кухни, прикрыв за собой дверь, и задумалась: а почему бы Миллерам не включить в коридорах свет? Салли, растерев ладони друг о друга и зябко поёжившись, прошла по тёмному коридору, ведущем от кухни мимо кладовки и туалета. Она впиалась глазами в плотно закрытые двойные двери гостиной, но тут же вспомнила, что со стороны лестницы на второй этаж есть маленькая арка, наподобие сквозного прохода из коридора. Для этого Салли пришлось завернуть за угол, осторожно обернувшись. Тим за ней не шёл, и в доме было всё так же тихо.

Вдруг она вспомнила слова Пугала и булавку, которую он отдал. Булавку Салли спрятала в карман джинсов, но теперь крепко задумалась над сказанным.

Носи на одежде ближе к коже , спрячь её под изнанку .

Это поможет .

Салли сунула руку в карман и тут же отдёрнула её: булавка показалась такой холодной, что обожгла пальцы! Салли обернула их краем футболки, изловчившись, достала булавку и поднесла её близко к глазам, чтобы разглядеть в темноте. На вид она была самой обычной, ничего особенного. Тогда Салли притронулась опять, но ничего не произошло.

Она заколола её на изнанке футболки, но, замыкая ржавую головку, впотьмах уколола иглой палец. Ойкнув, Салли отдёрнула руку и быстро прижала укол к губам, слизнув капельку крови.

В тот миг она даже не заметила, что за спиной её в коридоре мелькнула длинная тень.

Салли, одёрнув футболку, прокралась по стене к дверному проёму в гостиную и легонько отвела в сторону штору, которая его прикрывала. Там, у дивана, был мистер Миллер. Он стоял к Салли спиной и держал возле уха телефонную трубку, но при этом не издавал ни единого звука. Миссис Миллер сидела в кресле, задрав голову к потолку. В темноте они казались восковыми, неживыми: только тусклый лунный свет бросал на них серебряные тени. И Салли крепко зажала себе рот рукой, чтобы не закричать, потому что лицо миссис Миллер было чудовищно искажено. Широко распахнутые глаза закатились до белков, рот открыт, словно в крике, но она не издала ни звука. Попятившись, Салли споткнулась о половицу и налетела на кого-то спиной.

Резко развернувшись, она увидела Тима — бледного, со странной, нехорошей улыбкой. Он попробовал схватить её за плечи, но тут же отдёргнул руки — будто обжёгся. Салли, метнувшись в коридор, вскрикнула, когда перед ней открылись двойные двери гостиной, и из них вышли супруги Миллеры.

— Доброй ночи, Салли, — сказал хозяин дома. — Ну что же ты, не нашла в нашем доме туалет?

Смотрел он недобро и прошёл вправо. Салли проследила за его женой: она направилась влево.

«Будто хотят меня окружить» — подумала Салли, отступая к входной двери.

— Как дела, Салли? — спросила миссис Миллер. — Твоя бабушка с дедушкой переживают. Мы говорили с ними только что.

— Я не слышала, чтобы вы говорили, — быстро ответила Салли.

— Это был особый разговор, Салли, — сказал мистер Миллер. — И потом, некрасиво подслушивать. Ты этого не знала?

Тим вышел из-за плеч родителей, поглядев ей в лицо странно незнакомым, пристальным взглядом.

— Я не могу её коснуться, — сказал он. — Пап, почему бы это?

— Ну, возможно, кто-то здесь играет в нехорошие игры, — мистер Миллер улыбнулся шире. Салли не понравилось,

как разъехались далеко в стороны уголки его и без того большого рта. — Верно, юная Хэрроу?

— Ты взяла что-то из *его* вещей? — миссис Миллер двигалась быстрее мужчин и оказалась ближе к Салли. — Так ведь? Что *он* тебе дал?

— Я не знаю, о ком вы говорите, — бросила Салли. — Но вы меня пугаете.

— Ты должна бояться не нас, — возразил мистер Миллер, делая к ней ещё шаг. — Подумай сама. Разве может живое жуткое пугало быть твоим другом?

— Не может, — эхом отозвался Тим. — *Я* твой друг. Или ты это забыла?

— По ночам гулять в поле опасно, — продолжила миссис Миллер. Глаза её голодно блестели. Салли заметила, как неестественны и резки были все её движения.

— Спроси это у кого угодно, — подхватил мистер Миллер. — Хотя бы у своих бабушки с дедушкой. Пойди сюда. Мы отвезём тебя домой.

— Нет!

Салли бросилась к входной двери, но та была заперта. Сколько ни дёргай замок, он не поддастся! Салли, постоянно оборачиваясь, видела, что все они — все трое —

приближаются. Схватившись за дверную ручку, Салли рвалась наружу.

— Милая, мы переживали за тебя, — сказала миссис Миллер.

— Очень переживали, — подтвердил мистер Миллер.

— Но скоро ты будешь дома, и всё это кончится.

— Всё будет хорошо. В нашем округе теперь всё будет, как раньше. Пойми, мы не можем сказать больше. Мы дали слово твоей бабушке, что она сделает это с тобой.

— Мы не хотим тебе навредить, Салли, — добавил Тим.

Они смыкали вокруг неё своё кольцо. Салли ударилась в дверь плечом и отчаянно закричала:

— Мистер Полночь! Полночь, помоги!

— Он не поможет, — улынулась миссис Миллер.

— Неправда! — выкрикнула Салли, вжавшись плечами и спиной в дверное полотно. — Он обещал, что поможет мне! Я скажу ему, и он из вас душу повытрясет!

Миллеры переглянулись между собой. Тим громко сказал:

— Всё бесполезно, Салли. Пугало сходит с креста только в полдень и в полночь. Он здесь бессилен.

— Тихо, Тим! — грянул мистер Миллер так гневно, будто тот сказал что-то очень важное. То, что Салли не должна была слышать.

Тим тут же смолк и опустил голову, но мистер Миллер о чём-то глубоко задумался.

— Отведи её наверх, — вдруг велел он, подходя к Салли так близко, что она слышала его дыхание у себя на щеке. — Пусть эту ночь переждёт у нас. Наутро мы отвезём её домой, и всё кончится. Не стоит сегодня выходить в поле и искушать

судьбу дважды.

Был уже третий час ночи, и в небе на востоке зажглась пурпурная точка — первый вестник рассвета. Тим отвёл Салли в свою комнату и оставил её там, в темноте, сухо сказав:

— Располагайся и отдыхай.

Салли пристально взглянула на него. Она не понимала. Он был таким же, как всегда, но говорил что-то невообразимое. Если бы она не видела своими глазами всё это — оживших мертвецов, страшные снимки и сошедшее с крестовины пугало — подумала бы, что он сошёл с ума:

— Ты всерьёз считаешь, что я могу это сделать? Сейчас? После всего, что произошло?

Тим только развёл руками:

— Правильнее всего будет поспать. Тебе здесь ничто не угрожает, ведь мы обещали Мередит, что не тронем тебя. Мы уважаем Мередит Мейсон. Знаешь, Салли, ты просто с самого начала всё не так поняла.

— А как ещё можно было понять ваши слова и намерения? — резко спросила Салли. — И что с Тэм?

— Она принимает по ночам снотворное, — спокойно сказал Тим. — Я тоже его иногда пил, пока мне не... — он помолчал, опустив взгляд, точно решался, сказать или не стоит.

Салли окинула его долгим, недоверчивым взглядом.

— Пока тебе не рассказали историю? — тихо закончила

она. Тим медленно кивнул.

Он стоял на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел себе под ноги, не решаясь взглянуть на Салли.

— Что, в вашем доме тоже полно мертвецов? — хмуро спросила она.

— У кого их мало? Во всех домах, построенных давно, умирали люди, и этого не избежать.

— Прекрасно, — фыркнула Салли.

— Эта земля кишит покойниками, — осторожно сказал Тим, — но далеко не они опасны. Многое пока что тебе неизвестно.

— Так скажи мне правду!

Тим в отчаянии взглянул на неё, и Салли удивилась, каким измученным было его лицо. В тот миг ей показалось, он действительно сожалел об этом:

— Не могу! — почти выкрикнул он и добавил куда тише. — Но ты обязана узнать обо всём.

— А чтобы узнать, мне нужно всего лишь выслушать вашу историю, — саркастично откликнулась Салли.

— Именно так.

Салли покачала головой, скрестив на груди руки. Она уже не смотрела на Тима, хотя он и выглядел почти виноватым. Прежде, чем уйти, он, развернувшись и уже ступив в коридор, спросил:

— Мы были летними друзьями много лет, городская дев-

чонка. Как думаешь, я всё ещё могу быть твоим другом?

Салли ошарашено подняла на него глаза, пытаюсь найти в хмуром профиле подсказку, как ответить — и говорит ли Тим искренно. Он пытался надавить ей на жалость или действительно переживал на этот счёт? Плечи его поникли, подбородок смотрел вниз. Он выглядел как человек, который совершил непростительную ошибку и теперь боится за последствия содеянного. Но Салли хорошо помнила, как он наступал на неё в коридоре вместе со всеми, и как обжёгся, только прикоснувшись к ней.

— Я не знаю, Тим, — честно сказала она. — Но друзья не пытаются сделать мне дурно.

— Я и не пытаюсь! Я только хочу... — он запнулся. — Ладно, это бесполезно, всё равно не могу ничего рассказать. Я скован обязательствами, но понимаю тебя, Салли. Будь я на твоём месте, тоже почувствовал бы себя в ловушке. Однако это не так. Совсем не так.

Он закрыл за собой дверь и оставил Салли совсем одну. Разумеется, она не смогла бы уснуть, хотя понимала, что должна отдохнуть. Подойдя к окну, Салли оценивающе смерила взглядом расстояние до первого этажа. Она вполне могла бы постараться и выбраться отсюда, но Мистер Полночь сказал, бежать бесполезно. Она должна быть начеку, чтобы разобраться со всем и помочь ему.

Помочь с чем? Салли прислонила ладонь к холодному стеклу, глядя в поле. В темноте между закрытых цветков она

искала пугало — и нашла. Оно стояло на границе двух полей, принадлежащих двум семьям, и ветер слабо трепал его рванину, повисшую на плечах. Отсюда он казался совсем тощим и жалким, но Салли вспомнила под ладонями его тугие мышцы и сильное тело, и между лопаток пробежали мурашки.

Вдруг к окну откуда-то сверху слетела чёрная ворона, цокнув когтями по дождевому скату. Салли схватилась за ручку. Неужели та самая?

Она открыла окно и неуверенно подставила предплечье. Хрипло каркнув, ворона важно прошагала на подоконник, а оттуда, хлопнув чёрными крыльями, опустилась на руку Салли.

— Мистер Полночь, — Салли обрадовалась. — Мистер Полночь. Это ты?

Ворона любопытно склонила круглую чёрную голову вправо, затем влево. Перья её отливали изумрудным и фиолетовым, и маленькие глазки-пуговицы были очень умны — но она не издала ни единого звука. Салли не стала закрывать окно, чтобы птица улетела, когда это будет нужно — и очень осторожно села на кровать. Ворона тут же соскочила на одеяло.

— Мистер Полночь, пожалуйста, — прошептала Салли, чувствуя себя глупее некуда. — Если это ты, хотя бы подай какой-нибудь...

— Кар! — важно изрекла ворона.

— О, — Салли смущённо выпрямилась. — Надеюсь, это можно считать за знак.

Ворона вновь хрипло каркнула и принялась самозабвенно чистить крепким чёрным клювом перья. Салли, вздохнув, вытянулась на одеяле рядом с ней, ничуть не боясь птицы. Рассеяно касаясь кончиков её длинных перьев на сложенных крыльях, Салли зевнула, подложив другую руку под голову.

— Я сделала всё так, как ты сказал, — прошептала она, отчего-то полагая, что пугало её услышит. — И мне очень страшно, Мистер Полночь. Так страшно, как никогда не было. Раньше я боялась тебя, но теперь, кажется, всё изменилось. Всё перевернулось с ног на голову. Кто они такие, эти люди, которых я знала целую жизнь, Мистер Полночь? Кто они на самом деле?

Салли замолчала, наблюдая за птицей и постепенно ослабляясь. За окном медленно начинало светать; в доме Миллеров было по-прежнему очень тихо. Измученная этой ночью и ужасным днём накануне и успокоенная присутствием хотя бы единственного живого существа, которого не боится, Салли закемарила, то пробуждаясь, то задрёмывая вновь, и наконец, после недолгой борьбы с собой, уснула, уронив голову на кровать.

Прошло ещё немало времени, прежде, чем ворона улетила в посветлевшее небо. Но до этого она бросила на Салли Хэрроу длинную мужскую тень, растворившуюся вместе с поплёкшей луной и выскользнувшую из дома Миллеров.

Френка Миллера искали не только на двух фермах . Конечно, Кормак Миллер , его отец, упросил соседа и его сыновей подсобить в поисках

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.